

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

БОГДАН
СУШИНСКИЙ

ПОЛКОВНИК
ТРЕХ
РАЗВЕДОК

Миссия выполнима

Богдан Сушинский

Полковник трех разведок

«ВЕЧЕ»

2021

Сушинский Б. И.

Полковник трех разведок / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2021 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-8640-1

Новая книга известного писателя, автора многих исторических и приключенческих произведений Богдана Сушинского посвящена нашедшей в 60-х годах прошлого столетия секретной операции, связанной с вербовкой британской и американской разведками высокопоставленного офицера ГРУ полковника Олега Пеньковского; а также с авантюрной попыткой вербовки советской внешней разведкой президента Индонезии Сукарно. Кроме того, читатель знакомится с деятельностью сотрудника британской разведки МИ-6 Гревилла Винна, куратора Пеньковского. Создавая этот роман, автор использовал сведения, почерпнутые из судебных «дел», а также из других надежных источников, тем не менее произведение это – художественное, со всеми присущими ему особенностями. Прекрасное знание исторических реалий и легкий, хорошо поддающийся восприятию стиль повествования позволяют автору, лауреату премии им. Ал. Фадеева (Россия), им. Дж. Лондона (США) и нескольких других литературных премий, анатомизировать разведывательно-диверсионные операции, проводившиеся уже в период холодной войны.

ISBN 978-5-4484-8640-1

© Сушинский Б. И., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Богдан Сушинский

Полковник трех разведок

© Сушинский Б.И., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>

Часть первая

*Все приличные люди начинали в разведке – интригующее, но весьма спорное утверждение.
Генри Киссинджер*

Москва. Ресторан отеля «Националь».

Апрель 1961 года

...Да, теперь уже окончательно стало понятно, что на условленную встречу «новообращенный» агент Алекс безбожно опаздывает. Однако весь опыт общения сотрудника британской разведки МИ-6 Гревилла Винна с русскими подсказывал ему: волноваться пока что не стоит, поскольку опоздание на пятнадцать, а то и двадцать, минут считается у них чуть ли не проявлением хорошего тона.

Причем походя бравадно брошенное русским оправдание: «Дела, знаете ли, дела!..» не имело ничего общего с извинительным объяснением джентльмена, смущенного собственной бестактностью. Скорее наоборот, всегда и во всех случаях оно таило в себе наглую демонстрацию перед иностранцем исключительной деловитости «предельно занятого человека», и служило неизгладимым признаком то ли пресловутой «широты русской души», то ли сугубо русского, с кровью и генами впитанного разгильдяйства.

Впрочем, время от времени посматривавшего на часы «крупного британского бизнесмена», каковым Винн должен был представлять перед научно-техническим бомондом России, занимали сейчас не особенности русской национальной этики, а повадки сразу двух, пусть и конкурирующих между собой, русских спецслужб: Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных сил, и отдела внешней разведки Комитета госбезопасности при Совмине СССР¹.

То есть все тех же приснопамятных ГРУ и КГБ, извечных кошмаров любой иностранной резидентуры. Тем более опасных, что в стремлении профессионально подставить друг друга эти спецслужбы нередко вмешивались в операции «соседней конторы», – срывая их, провоцируя агентов, организовывая дополнительные слежки и проверки... Словом, превращая мнимое сотрудничество в откровенную «подспудно-ведомственную», как любили выражаться по этому поводу русские эмигранты из «забугорных радиоголосов», войну компроматов.

Вот почему каждая просроченная минута появления в ресторане московского отеля «Националь» его нового подопечного, агента Алекса, стоила внешне сдержанному, почти чопорному британцу сомнений и нервов: вдруг что-то пошло не так?! Вдруг само это «вербовочное» рандеву проходит под «колпаком» агентов наружной слежки?

Винн прекрасно понимал, что вся операция находится на грани «арестного» провала. Следовательно, все еще пребывая при здравом уме и собачьем чутье, он уже сам обязан был свернуть её, но...

В том-то и дело, что встреча должна была состояться во что бы то ни стало. Ради нее он, собственно, и прибыл в Москву в составе группы «дружественных», как сообщала советская пресса, бизнесменов, жаждущих прямо сейчас, в апреле 1961 года, налаживать контакты с русскими научными учреждениями и предприятиями, в том числе – что придавало поездке особую пикантность – оборонно-технического комплекса.

---

¹ Хочу напомнить, что в послевоенные годы служба госбезопасности СССР несколько раз меняла свой административный статус: в 1946–1953 годах она, сменяя НКВД, предстает в виде Министерства госбезопасности (МГБ); в 1953–1954 годах входит в состав МВД СССР, в 1954–1978 годах именуется Комитетом госбезопасности при Совмине СССР, и только в 1978–1991 годах, то есть вплоть до развала Союза, мы видим её в облике всем нам известного КГБ СССР.

И поскольку появилась эта делегация под очередной широкий пропагандистский жест правителя Хрущева: «Мы открыты миру – для мира и сотрудничества!», то и слишком навязчивого внимания спецслужб британские промышленники пока что не ощущали. Во всяком случае, не должны были ощущать. Все-таки речь шла о престиже СССР, «самой демократической страны мира», страны то ли «победившего», то ли просто «развитого социализма», а значит, следовало держать марку.

Судя по всему, на фоне этой пропагандистской шумихи, парни из ГРУ и внешней разведки КГБ получили жесткое указание: не мозолить глаза, не провоцировать, не наседать. Словом, не подставляться. И, похоже, что пока что эти волкодавы вроде бы ведут себя сдержанно. Вопрос: надолго ли хватит у них терпения.

Посетителей в этот предобеденный час в ресторане было не так уж и много. Другое дело, что они постепенно прибывали. А поскольку просто так, «с улицы», попасть в этот элитный ресторан интуристовского отеля ни один «простой советский труженик» не мог, то появление каждого нового то ли иностранца, то ли тщательно маскирующегося под него клиента сразу же порождало у Гревилла чувство некоего психологического невосприятия: «Это еще кто такой?! И вообще какого дьявола?!»

«Нет, в самом деле, – уже начинал понемногу нервничать британец, – не слишком ли здесьлюдно? И почему все-таки задерживается этот чертов агент-полковник, еще формально не завербованный, но уже известный «узкому кругу посвященных» британской разведки под оперативным псевдонимом Алекс?!»

Хотя, с другой стороны... Мало ли к кому и какой именно интерес может проявляться у него, британского подданного Гревилла Винна, владельца-основателя двух крупных компаний: «Мобайл экзебишен лимитед» и «Гревилл Винн лимитед». Причем компаний не фиктивных или сугубо декоративных, созданных исключительно ради агентурного макияжа, а вполне реальных, поддающихся любой глубинной проверке, а потому служивших ему почти что идеальным прикрытием.

Правда, хотелось бы верить, что у русского полковника тоже хватит ума подстраховаться хотя бы кивком головы своего шефа, маскируя встречу с англичанином попыткой то ли его, «буржуя проклятого», самым наглым образом завербовать, то ли самому столь же лихо подставиться под вербовку.

Впрочем, нынешний шеф Олега Пеньковского и не обязан был вникать во все тонкости «операций под прикрытием», к которым причастен этот полковник ГРУ. Выступавший к тому же с прошлого года в качестве, – не мог не воспользоваться своей записной книжкой британец, – «старшего эксперта, заместителя начальника Иностранного отдела Управления внешних сношений Государственного комитета при Совете Министров СССР по координации научно-исследовательских работ».

Винн десятки раз перечитывал это «должностное титулование», однако запомнить его так и не смог. По поводу чего всякий раз чертыхался, убеждая себя, что только русские способны не только придумывать себе столь безумные должностные определения, но и каким-то образом воспринимать их!

Другое дело, что в «подноготной» этой должности, особенно в последней части её – «по координации научно-исследовательских работ», как раз и скрывался тот буйный интерес, с которым шефы Винна бросили его на вербовку полковника Пеньковского. Причем оформлять это «привлечение к сотрудничеству» следовало немедленно, нахраписто, любой ценой. Не скупясь при этом ни на обещания, ни на «милый, дозированный» шантаж.

Словом, важен был результат, а все прочее в ходе этого процесса – значения не имело. Ничего не поделаешь, вся жизнь агента разведки проходит в двойной игре на фоне шпионских декораций. Причем чувствует себя при этом шпион, как пехотинец, застрявший во время артиллерийской дуэли где-то на нейтральной полосе, где никогда не знаешь, каким именно

снарядом – вражеским, но открытым и явным; или же своим, но подлым и предательским, – накроет тебя в следующую минуту.

...Ага, вот и сотрудник британского посольства Чизхолм, со своей женой Дженет-Анной, уже здесь! Хоть какое-то прояснение ситуации. И вместе с ними – увешанный сумкой, двумя фотоаппаратами и диктофоном, – корреспондент газеты «Файнэншл таймс». Ну что ж, их появление было предусмотрено планом окончательной, теперь уже официальной, вербовки Пеньковского. Мало того, в случае попытки его, Винна, ареста, эти люди обязаны были вмешаться и, самым присутствием своим угрожая советским спецслужбам громким международным скандалом, всячески привлекать внимание обслуживающего персонала «Националя» и его посетителей.

В самом деле, появление здесь корреспондента влиятельной зарубежной газеты, прибывшего специально для того, чтобы освещать работу в Союзе делегации представителей британских деловых кругов, должно было психологически давить на кагэбистов. И, несомненно, давило бы, если бы не доведи господь... Однако пока что главным персонажем конфуза становился он сам, Гревилл Винн, потому как полковника Пеньковского всё не было и не было. А требование шефов из МИ-6 звучало жестко: встреча должна состояться при любом раскладе!

Потом уж, дескать, как сложится, в зависимости от ситуации и возможностей агента. Но эта, первая, вербовочная, встреча сорваться не должна была. В конце концов, это он, Гревилл Винн навязал русского полковника и британскому резиденту в России, и руководству британской внешней разведки.

Москва. Конспиративная квартира в ведомственном доме Совмина. За день до встречи полковника Пеньковского с британцем

– Если я все правильно понимаю, полковник, у вас предвидится очередная командировка за рубеж.

– Судя по всему, предвидится. Только загадывать по этому поводу страшновато.

В этот раз «сексуальные улады», как по-домостроевски именовала их постельные развлечения сама Миледи, оказались какими-то нервными, суетными и, по существу, скомканными. Все предыдущие встречи эта степенная, ухоженная, с почти прирожденными аристократическими манерами женщина умудрялась превращать в некий салонный ритуал «в стиле парижских куртизанок».

Однако на сей раз Тамила Эдуардовна Курагина, как по паспорту именовалась эта рослая, прекрасно сложенная тридцатилетняя брюнетка, сразу же уловила «состояние души и плоти» своего партнера; только поэтому-то и позволила полковнику брать себя в походном темпе, как зажатую в подворотне дворовую пигалицу.

Впрочем, к чести Миледи, «подзаборный наскок издерганного, загнанного муштрой новобранца», в роли которого представал сейчас полковник, так по-настоящему и не возмутил её. Опытная «дива постельных подмоштов», она прекрасно понимала: даже такие, вот, казалось бы, сугубо эпизодические секс-роли, в стиле театральных «кушать подано», тоже нужно отбатывать профессионально и с полной отдачей.

– И как скоро эта самая поездка может случиться?

Курагина позволила мужчине отдышаться, а главное, пригасить в себе волну сексуального «похмелья», о муторных наплывах которого многие энтузиастки порно-фронта попросту забывают, эгоистично предаваясь собственной чувственности; и теперь старательно пыталась возвращать их разговор в сугубо деловое русло.

– В ближайшее время. Точную дату я не имел бы права назвать, даже если бы знал её.

– «Даже если бы знал» – вот как? Исчерпывающе. Но и я тоже не решилась бы требовать от вас точной даты, полковник. «В ближайшее время» – этим все сказано. Как принято говорить в таких случаях, я – «девушка с понятиями». Кстати, со мной вы можете быть предельно

откровенным. Во всех смыслах, темах и... позах. Тем более что с некоторых пор мы с вами оказались приписанными к одному ведомству, отсиживаем свои трудовые будни в одном здании, а значит, коллеги. Причем теперь уже – не просто коллеги...

– Призыв к откровениям – это к чему? Пытаешься убедить меня, что на КГБ не работаешь?

Предложив Пеньковскому обращаться к ней на «ты», сама Курагина так и не решилась перешагнуть барьер вежливого чинопочитания, продолжая обращаться к своему новому мужчине на «вы» и через «полковника».

– Работаю конечно же, – с томной ленцой, закинув руки за голову, потянулась и поиграла мышцами оголенного живота Курагина. – Как и вы, полковник того самого ГРУ, в котором все те же кагэбисты тоже пытаются властвовать.

– Смелое признание.

– Я бы даже сказала: «мужественное».

– И какими же порывами душевными оправдано?

– Только желанием довести до вас, полковник: да, работаю, но не по вашу душу. Так что на этом фланге всё спокойно, диверсионного прорыва не предвидится.

– Хотелось бы верить.

– Если же в общем... У нас в управлении все друг на друга стучат – кто в ГРУ, кто в госбезопасность, кто в партком, а кто и во все три инстанции сразу. Причем стучат не зло, без изобличительного фанатизма, исключительно по долгу службы. Эдакое милое сообщество невраждующих сексотов².

– Очень уважительное определение.

– Правда, одно уточнение: стучат все кроме меня.

– Почему «кроме»? Явный беспорядок

– Обычно в подобных случаях я отвечаю гениальной отговоркой моей племянки: «Потому что... – вот и все!». Но поскольку сегодня, во время пятой встречи, я почувствовала, что наши отношения могут оказаться значительно прочнее банальных «сексуальных усад от случая к случаю», ответу обстоятельнее. В качестве «подсадной» в собственном коллективе я для конторы никакого интереса не представляю.

– Странно, один из сотрудников госбезопасности уверял меня в хмельном угаре, что существуют «потенциально диссидентские» коллективы со стопроцентным охватом внештатной агентурой. Можешь представить себе этот «террариум смертельно ядовитых сексотов»?

– Могу. Такие коллективы наверняка существуют. Не исключаю даже, что наш отдел – один из них. Просто парни из «конторы» почему-то решили, что роль «сексотихи» для меня мелковата. Как я уже сказала, в этой роли я не представляю для них интереса.

– А в качестве кого... представляешь? И заметь, это уже не просто любопытство.

– Поскольку все равно узнаете, решаюсь...

– Лучше всего, – перебил её Олег, – сразу же решайся на «чистосердечное признание, при явке с повинной».

– Настоящий интерес для конторы я представляю только в одном, но по своему уникальном, качестве – секс-агента внешней разведки КГБ.

Она сообщила об этом ровным, спокойным голосом, как сообщала бы о самой обыденной профессии. Другое дело, что самому Пеньковскому понадобилось несколько мгновений, чтобы как-то «переварить» его. Но лишь для того, чтобы малодушно уточнить:

– Что, так уж и «секс-агента»?

---

² Термин «сексот» образовался из сокращений терминов «секретный сотрудник», которыми кадровики спецслужб обычно обозначали папки с «делами» внештатных сотрудников Комитета госбезопасности. Естественно, в народных устах это словцо произносилось с изобличительным сарказмом и с полнейшим презрением.

– Что для вас нового в этом термине, полковник? – интеллигентно окрысилась Курагина. – Что вас удивляет?

– Сам термин. Нам, в ГРУ, давно известно, что КГБ активно использует в своей работе, особенно с иностранцами, в туристических отелях и во всевозможных круизах «ночных бабочек»...

– Или «долларовых подстилок».

«А также «интуристовских профур», «негритянских блядужек», «продажных вафлисток» и т. д. и т. п.» – мысленно продолжил перечень сальных, сугубо казарменных ярлыков полковник. Сама виновата: «не фик» провоцировать. Однако вслух произнес:

– Только не припоминаю, чтобы приходилось слышать такое выражение «секс-агент».

– Понимаю: для грушников оно звучит слишком интеллигентно.

– ...Тем более – из уст самого секс-агента, – упорно пытался избежать конфликта Пеньковский.

И женщина благоразумно приняла его условия. Хотя и поразилась тому, что полковник удивился всего лишь термину, а не сути её занятий.

– Надеюсь, вводить вас в тонкости этой моей службы – необходимости нет?

– Ни в коем случае.

– Как и предупреждать о неразглашении.

– К черту формальности, – решительно объявил полковник.

– И не рассчитывайте, что стану тушеваться по этому поводу, а тем более – оправдываться.

– Не вижу никакого смысла. «Грудь на алтарь Отечества» каждый возлагает, как может.

– Точнее, в нашем случае, как прикажут. Да и возлагать на алтарь, нам, женщинам, приходится, извините за натурализм, не только, и даже не столько, грудь, – в самом деле, не стала ни тушеваться, ни оправдываться Курагина, – а совершенно другую часть тела.

– Воистину – излишний натурализм, – едва заметно поморщился Пеньковский. – Однако на связь со мной тебя толкнуло не призвание секс-агента внешней разведки?

– О, нет, на этой ниве я – исключительно по зову женского естества. Но пусть вас это не радует. Влюбленные женщины коварнее и расчетливее любых, самых изощренных секс-агентов. Впрочем, о наших связях в конторе пока что не знают, у них там и без меня проблем хватает. К тому же вы у нас человек сто раз проверенный и перепроверенный.

Произнеся это, Курагина включила настольную лампу на своей тумбочке, взглянула на часы и неспешно, грациозно, словно русалка из озерного мелководья, выбралась из греховного ложа.

– Труба зовет, бьют барабаны и боевые кони ржут. Или «ржат»? Словом, заговорились мы тут с вами, полковник. А мне пора... В душ я, как всегда, врываюсь первой, причем исключительно для освежения плоти, – бросила на ходу. – Более основательно займусь собой дома.

Пеньковский уже знал, что Тамила Курагина была незамужней и бездетной; а домом ей служила комната в «семейном» общежитии, в двух кварталах от их явочной квартиры. Другое дело, что там она – никогда и ни при каких обстоятельствах – мужчин не принимала. Если, конечно, верить ей на слово.

Москва. Военно-воздушный атташат при посольстве США.

Апрель 1961 года

Накануне встречи британца с Пеньковским в ресторане отеля «Националь» военно-воздушный атташе при посольстве США полковник Малкольм вызвал своего помощника в кабинет «для консультаций». Понимая, о ком пойдет речь, капитан Дэвисон явился к шефу с небольшой светлой папкой, на которой черной тушью было размашисто начертано: «Полковник ГРУ Олег Пеньковский. Объект повышенного интереса».

– Насколько мне известно, капитан, первая встреча вашего «объекта повышенного интереса» с британским агентом Винном, проходящим по нашей картотеке под псевдонимом Бри-танец, намечена уже на завтра, на десять тридцать утра? – мрачновато прищурившись, прого-ворил атташе.

– Так точно, сэр. Если только она, встреча эта, в самом деле состоится...

– Тогда почему я не слышу воинственных призывов к штурмовому вторжению в ситу-ацию? – спросил полковник уже в таком тоне, словно бы пытался изобличить своего помощ-ника в попытке скрыть от него сам факт подобных контактов. – Вы что, собираетесь упустить «языка», добытого не где-то там, в окопах «второй линии», а чуть ли не под стенами Кремля?! Нет, в самом деле, что в моих рассуждениях «не так»?

– Как я уже сказал, сэр, нет уверенности, что встреча вообще в принципе состоится. Но если все-таки состоится, нужно будет как можно скорее встретиться с Британцем.

– Или сразу же с русским.

– Что с нашей стороны выглядело бы некорректно. При любом исходе этой попытки союз-ники воспримут её как удар в спину, как проявление губительного соперничества.

– И правильно воспримут: соперничества так или иначе не избежать.

– Но даже Винн пойдет на встречу с нами лишь после того, как получит «добро» из Лондона, – вновь попытался Дэвисон урезонить «штурмовой» пыл своего шефа. – Если только получит его.

– И снова это ваше пресловутое «если». Не знал бы я вашего послужного списка – неми-нуемо задался бы вопросом: как такой человек умудрился стать разведчиком? Как это в прин-ципе могло произойти?

– Сам иногда удивляюсь, как... – невозмутимо согласился с ним Дэвисон. – Война, знаете ли, сэр.

– ...О да, война, которая, как не устают повторять русские, «все спишет»? На это рас-считываете, капитан? Так ведь напрасно.

Дэвисон тоже знал эту поговорку – про «всё спишет», и даже несколько раз пользовался ею, поэтому сразу же определил, что в данном случае Малкольм употребил её не ко времени.

– Прежде всего, сэр, для нас важно понять, – тут же попытался вернуть беседу в деловое русло, – кто кого во время этой беседы вербует: англичанин – русского или все-таки наоборот?

– Интересный поворот мысли, – благодушно улыбаясь, вальяжно развел руками полков-ник. – А ведь и в самом деле не исключено, что вербовать начнут Винна.

– Так вот, до тех пор, пока мы не убедимся, что вербуют все же русского, а не наоборот, мы будем рисковать всего лишь каким-то заштатным агентом британской разведки, а никак не дипломатическим статусом атташата и всего посольства, не говоря уже о стратегическом имидже ЦРУ.

Малкольм вскинул брови, на какую-то минутку замер и с почтенным одобрением повел подбородком. Он далеко не всегда решался признавать это, но как дипломат, как разведчик и вообще как личность, Дэвисон представлял перед ним со всё большей внушительностью. Он помнил, что в конце войны, еще пребывая в чине лейтенанта, Дэвисон прошел основательную школу, работая под началом резидента Управления стратегических служб США (УСС, пред-шественницы нынешнего ЦРУ) в Швейцарии Аллена Даллеса³. Теперь уже почти легендар-ного.

---

³ Даллес Аллен (1893–1969) – в годы войны (конец 1942–1945) являлся руководителем резидентуры Управления страте-гический служб США (УСС) в Бёрне (Швейцария). В 1950 году он был назначен заместителем директора Центрального раз-ведуправления (ЦРУ) США по планированию, а с 26 февраля 1953 по 29 ноября 1961 года возглавлял эту организацию. Ушел в отставку после провала операции по вторжению на Кубу. Известен, как автор «Плана Даллеса», направленного в основном против политики СССР.

Мало того, он был лично знаком с начальником УСС генералом Уильямом Доновэном и в качестве адъютанта-референта, даже присутствовал на встрече Даллеса с Главнокомандующим союзными силами в Европе генералом Эйзенхауэром, будущим президентом Штатов.

Другое дело, что со временем Дэвисон, по какому-то странному случаю, впал в немилость руководства разведки, которое явно не спешило с повышением его в чинах и должностях, так что даже теперь, в 1961-м, он все еще ждал своего обещанного майорского чина. С которым тоже почему-то не торопились.

Впрочем, сейчас Малкольму было не до военных воспоминаний, к которым, – несмотря на то, что война завершилась всего лишь каких-нибудь пятнадцать лет назад, – многие теперь старались не обращаться. С появлением на горизонте «взбунтовавшегося» русского полковника Пеньковского и ему, и Дэвисону пришлось встряхнуться.

– И все же в это невозможно поверить, – швырнул на стол перед собой изъятую у помощника папку полковник авиации, который завершал войну на севере Италии, будучи всего лишь в должности командира авиационного звена воздушной разведки.

– Во что именно? – не сразу уловил ход его мыслей капитан.

– Человек, достигший такого положения в здешнем обществе и пребывающий под круглосуточным тройным колпаком, вдруг, ни с того ни с сего, подставляет себя под вербовку в качестве заурядного агента! Что в моих рассуждениях «не так», Дэвисон?

– К вашим рассуждениям, сэр, претензий пока что нет, и быть не может, – не стал тушеваться помощник атташе. – Однако мы пытаемся понять, сэр, что «не так» в мозгах и рассуждениях коммуниста-полковника Пеньковского. Что намного сложнее.

– В том-то и дело! Когда на территорию нашего посольства пытаются прорваться некие изгои «советской действительности», или непризнанные гении из числа диссидентствующей литературной богемы, – это еще как-то можно понять. Но что заставляет идти на смертельный риск этого «отщепенца», – как здесь называют подобных «агентов-самоубийц» русские пропагандисты?

– Насколько я понял, именно это мне и предстоит выяснить.

– Так выясняйте же, Дэвисон, выясняйте!

Малкольм воскликнул эти слова с таким азартом, что капитан поневоле взглянул на часы, однако, встрепенувшись, и себе, и шефу напомнил:

– Однако же встреча британского резидента с этим русским полковником, который проходит у них под оперативным псевдонимом Алекс, намечена только на завтра, сэр. Зато после этого шпионского randevu многое прояснится. Правда, лично мне придется присутствовать на нем всего лишь дистанционно.

– Вот и возникает вопрос: почему «дистанционно» должны присутствовать именно мы, а не британцы? Ведь этот русский полковник, этот неиссякаемый источник всевозможной информации, вполне мог быть нашим агентом. Что в моих рассуждениях «не так»?

Вместо прямого ответа Дэвисон лишь молча поиграл желваками. Странно, что сам полковник до сих пор не выяснил, почему Пеньковский оказался под влиянием англичан, а значит, не уяснил для себя, что же в его, Малкольма, собственных рассуждениях действительно «не так». Только стоит ли говорить сейчас об этом?

Москва. Конспиративная квартира в ведомственном доме Совмина. За день до встречи полковника Пеньковского с британцем

Слегка приподнявшись, полковник провел женщину охладевшим, увядшим взглядом, и вновь опустил голову на подушку.

С Курагиной он познакомился чуть больше двух месяцев назад, в только что открывшемся тогда рядом с их общим офисом ретрокафе «Наполеон». Когда Олег «приземлился» там, женщина уже сидела за соседним столиком. Одна, но явно не чувствуя себя одинокой. Да

такую женщину вообще трудно представить себе одинокой. Таких не бросают. Таких ищут, а найдя, благоговейно вымаливают у них ласки, как господней милостыни.

В самом деле – рослая, широкобедрая, но в то же время не грудастая; и вообще тело её, казалось, не ведало никаких естественных «излишеств» и никаких «нажитых» жировых складок, поскольку все оно, от голеней до плеч, было соткано из налитых мышц... К тому же Олег терпеть не мог сметанно-серого цвета кожи московских красавиц, с их вечной салонной, болезненной какой-то усталостью.

Другое дело – европейское, с интригующим налетом «азиатчины», лицо Курагиной: полнощекое, не столько от солнечных «югов», сколько по самой природе своей загорелое; без морщин, а главное, без предательской синева под глазами – этой «медицинской карточки» вселенского скопища гипотоников, ежедневно убивающих себя бесчисленным количеством низкопробного кофе.

Нет, решил про себя, Пеньковский, эта «кобылица» – не из тех, кто способен затеряться в табуне. К тому же в отличие от многих коллег своих, прирожденных циников, он умел ценить достоинства женщин, даже тех, которые много раз побывали с ним в постели и давно потеряли блеск первой свежести.

– Это лишь кажется, полковник, что перед вами толстушка-переросток, – ни в коей степени не жеманясь, с подростковой непосредственностью объяснила Миледи, в очередной раз перехватив оценивающий взгляд Пеньковского. – В действительности же, у меня такая конституция, строение то есть. Да и спортивные гормоны дело свое сделали.

– Успокойтесь, с конституцией у вас действительно всё в порядке. Всем бы так повезло... с конституцией.

– Осмелюсь предположить, что это кафе мало напоминает коммунальную кухню, излюбленное место доморожденных политиков, – мягко осадила его женщина. – И вообще создается впечатление, что поговорить вы намеревались не об этом, полковник.

– Потому что с самого начала хотел поинтересоваться: почему вдруг вы решили именовать меня «полковником»? – воспользовался Олег тем, что столики их располагались рядышком. – Я, как всегда, без мундира; к тому же мы абсолютно незнакомы...

– С удовольствием признала бы в вас хоть генерал-полковника, но, увы. Буквально неделю назад видела при полном параде. Обмундировывались все-таки, по случаю.

– Могу даже уточнить, по какому именно случаю – торжественного собрания ветеранов нашего фронтового корпуса. При такой okazji, сударыня, без эполет и георгиевских крестов не обойтись.

– Звучит убедительно, и даже слегка возвышенно. Это я – про эполеты и георгиевские кресты.

– Однако вопрос: как давно я нахожусь у вас под наблюдением?

– Успокойтесь: пока еще только под наружным и далеко не «под колпаком».

– Компромата не хватает, что ли?

– Ну, компромат – дело наживное. И потом в критической ситуации я всегда могу обратиться к вашему непосредственному шефу, начальнику отдела полковнику Неродову.

– Благороднейшей души человек.

– А кто бы усомнился?!

– На своего любимого заместителя, уже сейчас рассматриваемого в качестве достойной смены, у Неродова компромата быть не может.

– Не должно быть, – уточнила Курагина. – В потенциале. Нюанс улавливаете?

– А если без нюансов и по существу?

– Я дружу с секретарем-референтом начальника вашего управления Лидией Заветовой.

– Вот он – источник слива информации обо мне! – иронично воскликнул Олег. – Наконец-то мы вышли на давно внедрившегося в нашу систему «крота».

– Не берите грех на душу, полковник. Если о ком-то из нашего с вами окружения и можно отозваться, как о благороднейшей души человеке, так это о Заветовой. Не в пример многим сплетникам, трепачам и завистникам. Во всяком случае, о вас эта дама отзывается с искренним почтением.

– Она же и рекомендовала меня?

– В какой-то степени. Как-никак мы подруги. И даже возмутилась, когда однажды услышала, как, находясь в приемной, в разговоре с каким-то чиновником, ваш «вечный полковник», он же – «несостоявшийся генерал» Неродов саркастически парировал: «Ну, решением подобных вопросов буду заниматься не я, а мой несгибаемый заместитель Пень-Пеньковский». Заветова тогда пристыдила его: «Зачем же вы так, товарищ Неродов, – о полковнике-фронтовике, о котором даже некоторые маршалы отзываются с глубочайшим уважением?»

– И как же отреагировал на это Вечный Полковник?

– Оскорбился, естественно. Пытался «демонстрировать уязвленную гордыню», как любит выражаться сама Заветова. Но эта женщина тем и прославилась, что является ходячей энциклопедией слабостей, грехов, «пунктиков зависти» и всевозможных «скелетов в шкафу» всякого, кто когда-либо оказывался в приемной её шефа. А у Неродова их, грехов и пунктиков, – как орденов на парадном мундире маршала.

– Образное сравнение.

– Оно станет еще «образнее», когда вы узнаете, что в свое время зарубил ему присвоение генерал-майора не кто иной, как маршал Жуков.

– Тогда Неродову по-настоящему не повезло.

– После этого Вечного Полковника множество раз, праведно и неправедно, представляли, проталкивали и снова представляли к генеральским лампасам, но всякий раз на какой-то из инстанций происходил сбой.

– Неужто Жуков всё еще по-прежнему пытается?..

– Как случайно выяснилось, «маршал Победы» давно забыл о его существовании. Вроде бы при случае после напоминания вспомнил, но с величайшим трудом. И конечно же после того, первого, фронтового еще, вмешательства, никогда больше Неродовым не интересовался. Тем не менее, молва твердит, что над «престарелым полковником» всё еще тяготеет «проклятие маршала». И на должности этой он задержался только потому, что в свое время один добрый человек помог ему написать и защитить докторскую.

– На которую «маршальское проклятие», судя по всему, не распространялось.

– Следует полагать. Он недолюбливает многих, но вас особенно. Уж не знаю, какие там у вас сугубо служебные отношения, но, простите, «Пень-Пеньковский» время от времени слетает именно из его уст. Полагаю, что вы должны знать об этом.

Полковнику понадобилось немало выдержки, чтобы скрыть нахлынувшее на него раздражение. Однажды краем уха он уже слышал это презренное прозвище, но теперь стало известно имя человека, которому смело можно было приписать его авторство.

– В школьные годы я и сам умудрился сотворить несколько прозвищ. К тому же Неродов уже видит во мне несвоевременного преемника.

– И правильно видит. Не позволяйте ему забывать об этом, – воинственно отреагировала Курагина, а, перехватив удивленный взгляд полковника, объяснила: – Любой карьерный рост зиждется на «законах джунглей».

– Поучительно было услышать это напоминание именно от вас, Тамилы Эдуардовна. Нет, в самом деле... С величайшим уважением отношусь к деловым, рассудительным женщинам.

– Приглянулись вы мне, полковник Пеньковский; если уж так, вскрывая карты. Правда, до сих пор гадаю: «К чему весь этот сонный бред любви? Что он способен предвещать?» Но, все амуры небесные – свидетели тому, приглянулись.

Они еще дважды встречались в «Наполеоне», но при этом всегда располагались за соседними столиками. А после того как впервые побывали на этой явочной, на два дня в неделю закрепленной за Пеньковским, квартире, вообще перестали встречаться где-либо на людях, решив, что самое время шифроваться, причем основательно, вплоть до глубокого подполья.

Впрочем, всё это уже в прошлом.

Москва. Военно-воздушный атташат при посольстве США.

Апрель 1961 года

Дэвисон уже собрался уходить, когда атташе вдруг спросил:

– Это правда, капитан, что ваши отношения с руководством ЦРУ осложнилось после того, как стало известно, что вы засели за мемуары времен войны, восстанавливая в своих «письменах» период, который касался пребывания вас, а главное, Даллеса, в Швейцарии?

Дэвисон замешкался с ответом, слишком уж неожиданным выдался тематический переход шефа, но сразу же овладел собой.

– В качестве одной из причин можно называть и эту.

– Следует предположить, что, находясь в Швейцарии, вы получили выход на начальника Главного управления имперской безопасности Третьего рейха Эрнста Кальтенбруннера?

– Увы, нашлись люди, которые предположили это давным-давно, сэр.

– Причем вели с ним переговоры, еще задолго до капитуляции Германии?

– После капитуляции, сэр, это уже не имело бы никакого смысла, – с неприкрытой иронией парировал капитан.

– Естественно, естественно, – поспешил согласиться Малкольм, не позволяя выбить себя из седла. – Меня, собственно, интересует другое: был ли задействован во время этих переговоров известный всем нам Отто Скорцени, оберштурмбаннфюрер СС, – почти по слогам прочел полковник название эсэсовского чина, написанного на календарной страничке.

– Естественно, сэр. На последней стадии войны Скорцени выступал уже в качестве не только известного диверсанта, но и очень влиятельного военного чиновника. Не следует забывать, что он был назначен начальником военного управления Главного управления имперской безопасности, то есть представлял перед миром в должности руководителя всего военного аппарата секретной службы СС и службы безопасности. Но и до этого назначения он был не последним человеком в имперской службе безопасности.

– Напрасно вы пытаетесь убедить меня в этом, капитан. Лучше скажите, действительно ли вы пытались завербовать этого «человека со шрамами», чтобы превратить его в агента Стратегических служб США?

– Не смею приписывать себе такую роль, сэр. На меня возлагались всего лишь вспомогательные функции. Непосредственно же разработкой Скорцени занимался известный вам генерал-майор Уильям Доновэн⁴.

– Хотите убедить меня, что генералу это удалось?

– Все те сведения, которыми обладал Скорцени и которые хоть в какой-то степени могли заинтересовать американскую разведку, начальник УСС в Европе генерал Доновэн в конце концов получил.

– Но уже после капитуляции рейха.

– Совершенно верно, сэр, после. Случилось так, что на завершальной стадии войны генералу пришлось не столько вербовать обер-диверсанта рейха, сколько спасти его от правосудия союзников, в том числе американского.

---

⁴ Доновэн (Донован) Уильям, с 13 июля 1942 по 20 сентября 1945 года являлся директором Управления стратегических служб (УСС) США, которое, собственно, и создал. Генерал-майор (с ноября 1944). В 1946 году принимал участие в работе Международного Нюрнбергского трибунала. В 1953–1954 годах являлся послом в Таиланде. Его имя занесено в Зал славы военной разведки США.

– Причем это ему удалось. Насколько мне известно, – вновь заглянул атташе в свою записную книжку, – в июле 1948 года операцией по освобождению «человека со шрамами» из лагеря для военных преступников в Дармштадте руководил бывший подчиненный Доновэна, некий майор службы безопасности Макклур. Вам знаком этот джентльмен?

– Естественно. Если не ошибаюсь, с сорок второго года он руководил армейской секретной службой США на европейском театре военных действий, чуть позже возглавлял отдел психологической войны в Европе, а в сорок седьмом назначен на должность начальника отдела «контроля над информацией» американской военной администрации в Германии.

– И каким же образом он умудрился освободить Скорцени?

– Самым банальным. Он ведь не зря считался специалистом по психологическим методам ведения войны. Просто в одно прекрасное утро к воротам Дармштадтского лагеря подъехала машина американской военной полиции, и рослый, «убедительный» американский офицер приказал немецким охранникам немедленно доставить ему арестованного Скорцени для допроса. Немецкий офицер настолько боялся послушаться грозного американца, что даже не решился посмотреть его документы. Кстати, по картотеке нашей разведки Скорцени проходил под оперативным псевдонимом Эйбл.

– У вас отличная память, капитан.

– Время от времени, стараюсь освежать старыми записями, походами в армейский архив и публикациями в прессе.

Кроме всего прочего, майор Макклур и подполковник СС Отто Скорцени являются знаковыми героями моих мемуаров, сэр.

– Боюсь оказаться в числе первых ценителей вашего таланта.

– Речь не о таланте, сэр. Мои воспоминания – всего лишь свидетельство очевидца. Если бы не майор и его коллеги, возможно, мы не видели бы сейчас личного агента фюрера по особым поручениям Отто Скорцени, чуть ли не единственного из плеяды всемирно известных деятелей Третьего рейха, – среди живых⁵. Да к тому же в облике респектабельного бизнесмена, легально путешествующего по Европе, в том числе и по Германии. Правда, порой из деликатности он появляется под другой фамилией, с паспортом какой-либо другой страны в кармане.

– Представляю себе этого исполосованного шрамами верзилу с чужим паспортом в руке у стойки пограничного контроля, – расплылось в улыбке худощавое, и тоже исполосованное, только не шрамами, а ранними морщинами, лицо полковника.

– Поскольку с паспортами и подданствами проблем у Скорцени никогда не возникало, то, согласен, любуясь воинственными, никакому гриму не поддающимися шрамами на лице «самого страшного человека Европы», пограничники и полицейские Ирландии, Испании, Германии, Италии, Швейцарии и прочих стран лишь иронично ухмыляются. Даже не пытаюсь при этом официально выяснить, кто же перед ними на самом деле.

– А тем временем вокруг Скорцени уже начинает собираться бывший генералитет, причем не только СС, но и всех прочих родов войск.

– Мало того, бывшего личного агента фюрера по особым поручениям рассматривают теперь, чуть ли не как духовного преемственника Самого...

– Ответ исчерпывающий, – неожиданно жестко прервал Малкольм своего подчиненного. – Вы – интересный собеседник. Не исключено, что к этому разговору мы еще вернемся, и вы поведаете немало нового и предельно интересного. А пока что не смею вас больше задерживать, капитан Дэвисон. Готовьтесь к завтрашней встрече. Пусть даже «дистанционной».

---

⁵ Известно, что ко времени описываемых событий Отто Скорцени (1908 г.р.) еще был жив, он умер намного позже – 6 июля 1975 года, в Испании.

Москва. Конспиративная квартира «Лисья нора» в ведомственном доме Совмина. За день до встречи полковника Пеньковского с британцем

– Так чем же все-таки вызван разговор о зарубежной командировке? – поинтересовался полковник, как только Тамилла Курагина, – в узких кругах сексуально-агентурной общности больше известная под оперативным псевдонимом Миледи, – вышла из душа.

– Предлагаю забыть. Размечталась, как тюлениха посреди Сахары – только-то и всего.

– Просто так, взять и забыть – уже не получится. И потом, к чему зря взбадривать нервы да накалять отношения? Так что давай уже, тяни на «чистосердечное, при полном раскаянии и добровольном сотрудничестве со следствием».

К чекистским шуточкам полковника Курагина так и не привыкла, тем не менее успела смириться с ними. Понимала: избавиться от них «грушнику» так же трудно, как уголовнику – от блатной наколки на груди.

– Было бы офигенно, – попыталась подстроиться под его манеру, неспешно одеваясь при этом, – если бы очередной вояж в Лондон стал началом вашего укоренения «за бугром».

– Даже так?

– А почему бы и не пофантазировать на эту тему?

– И каким же образом предлагаете «укореняться» – если уж действительно ударяться в фантазии?

– На первых порах вполне легальным. Например, стать представителем своего управления за рубежом, лучше всего, в Британии.

– Но это не мне решать, где и какие создавать управления, филиалы...

– ...Или хотя бы одним из сотрудников, на худший случай; но предпочтительнее всего – в Лондоне. А потом уже осмотреться, выясняя, «что почём», в этом лучшем из буржуазных миров...

– Я же сказал: не мне решать...

– Разведка решает даже то, чего в принципе решать не должна и не способна.

Пеньковский на несколько мгновений застыл, глядя на безмятежно одевающуюся Курагину, прежде чем решился спросить:

– Под чьим именем прикажете записать сию гениальную фразу?

– Под моим. И давайте договоримся, полковник: сомнения – это моя, женская прерогатива. Вы же – планируйте ключевую операцию, под кодовым названием, скажем, «Викинг» или «Переправа», разрабатывайте стратегические направления деятельности, ищите подходы к тем людям, от которых может зависеть решение. Мне ли учить вас, ас дипломатической разведки?

– Остановимся на кодовом названии «Переправа», оно более точно отражает суть операции. Правда, возникает вопрос: почему вдруг выбор пал на Британию? – еще больше насторожился Пеньковский, вспомнив, что ему уже намекнули: ожидается вояж в Туманный Альбион.

– Обожаю английский стиль поведения в высшем обществе; уже сейчас, но пока еще в России, пытаюсь чтить сотворенный британцами «Кодекс чести леди и джентльмена»; подражать их невозмутимости, строгости в мыслях и в одежде. Мне импонирует их мудрый консерватизм во взглядах на современный быт и на прошлое; интеллектуальный английский юмор, наконец.

– Значит, интеллектуальный английский юмор обожаете? Убедительный посыл, леди Курагина. А мне, значит, предстоит устроиться там, осмотреться, а затем, уже чувствуя себя лондонским денди, вызвать в Лондон вас, леди?

– Или же попытаешься вызвать свою жену, которая сдаст тебя, – неожиданно перешла секс-агент на «ты», – как только узнает, что ты хотя бы мечтаешь остаться за рубежом или же намерен затевать «ролевые игры» с какой-либо из иностранных разведок?

– В мои планы не входит затевать какие-либо игры с вражескими разведками.

– Тем более что продавать иностранцам тебе, прямо скажем, есть что, – проигнорировала его заверение Курагина.

– Ты, следует полагать, не сдала бы?

– Разве что под жесточайшими пытками; чего-чего, а пыток и вообще насилия не выношу, сразу же признаюсь в этом. А во всех остальных случаях... Мы с тобой одного поля ягоды, полковник, – вот что важно в нашем союзе.

– Не спорю, это аргумент.

– Я достаточно подготовлена, – вновь проигнорировала его реплику Миледи, и полковник даже сказал себе, что надо бы поучиться у неё этому умению. – Знаю психологию британцев, их способ жизни. Приемами самозащиты – в женском её варианте – владею почти в совершенстве; английский язык тоже подтягиваю – и на трехгодичных государственных курсах, и с персональной, приставленной ко мне служебной репетиторшей. Метаю ножи и, само собой, сносно палю со всех видов стрелкового оружия. В то же время, как всякая русская баба, умею готовить по всему перечню национального меню. К слову, сама пошила себе большинство платьев и нижнего белья; и даже консервировать кое-как научилась, если уж так, на самый черный день...

– Вот уж никогда бы не подумал, – растерянно как-то пробормотал Пеньковский, на ходу пытаюсь поменять свое представление об этой жрице интуристовских ресторанов.

– Но главное, готова идти с тобой до конца, как декабристка.

– Еще более убедительный аргумент, леди Курагина. А что сам я могу оказаться «не тем» и завтра же сдать вас – такой вариант не рассматривается?

– Разве что в виде идиотского исключения. Да и сдать меня будет непросто. Уже хотя бы потому, что за мной – надежные парни из госбезопасности, для которых я «в доску своя». К тому же хочу напомнить: за связь с «антисоветчицей и отщепенкой» тебе сразу же перекроют доступ не только к границе, но и ко всем этим чертовым государственным тайнам, на которых ты все еще сидишь и благодаря которым всё еще интересен всяким там ЦРУ и Сикрет интеллидженс сервис.

– Пока что я этого не почувствовал.

– Вот и начинай с операции «Десант», нерасчувствованный ты мой. Что же касается лично меня, то в порыве страсти я и пристрелить могу. Причем воспринимай это напоминание не как шантаж, а всего лишь как защитную порцию противоядия.

Прекратив одеваться, Пеньковский, уже облаченный в брюки, но все еще оголенный по пояс и в одном носке, улегся на кровать и, устало закрыв глаза, на какое-то время замер.

– Понимаю, что выслушивать угрозы неприятно, – продолжила леди Тамила все тем же ровным, умиротворяющим голосом, в котором не просматривалось ни нотки раздражения, а тем более – агрессии. – Поэтому давай попробуем доверять друг другу. Хотелось бы уточнить, что доверять следует всегда и во всем, однако понимаю, насколько это нереально. В каких-то ситуациях мы неминуемо оставляем за собой право на некую дозу лукавства, дозу эдакой «лжи во благо».

– В таком случае главный вопрос: «А с чего ты взяла, что я вообще в принципе мог бы решиться на бегство за рубеж?». Никакого повода для подобных предположений я вроде бы не давал.

– Потому и решила, что вижу: ты – нормальный мужик. А, попадая в Англию, Францию или США, всякий нормальный мужчина, которому удалось хоть чего-либо достичь в Союзе, начинает понимать, что со страной обитания ему явно не повезло. Не тот размах, не те возможности, не то общество, которое способно оценить тебя и ради которого тебе самому хотелось бы блеснуть.

– Так способны маяться только «несостоявшиеся», или, как говорят американцы, «не сумевшие сделать самих себя». Я же – человек, во всех отношениях состоявшийся. Достигший всего, чего только мог достичь ветеран, завершавший войну в моем статусе.

– «...Завершавший войну в моем статусе»! Для начала, неплохо. Явно просматривается язык дипломата. Заметила это еще во время первой встречи.

– Во всяком случае, удачная формула для завершения наших фантазий: как постельных, так и словесных.

– Но только с одним условием. Если ты все же решишься на «переход линии фронта», знай: рядом с тобой боец, который всегда готов прикрыть тебе спину и с которым ни в одном окопе не страшно. Да что там, даже на расстрел идти с таким – и то благороднее, нежели с кем-либо другим.

– Излагаешь в общем-то убедительно.

«Если, в самом деле, решаться на «переход линии фронта», – кандидатуру этой жрицы любви можно считать идеальной, – и дальше признавал её правоту полковник, поспешно одеваясь. На этой «явочной квартире» они встречались только днем и по выходным. Однако в этот раз недолгая пока еще традиция была нарушена: они нагло «свиданичали» прямо посреди рабочего дня. И хотя офисы свои оставили под вполне благовидными предложениями, тем не менее чувствовали себя прогульщиками, которых вот-вот «накроют».

– Так, сугубо для интереса... Мою кандидатуру для исхода из страны обитания ты избрала еще до того, как мы познакомились в «Наполеоне»?

– Причем из нескольких предполагаемых, – не стала юлить Курагина. – Вы, полковник, – человек влиятельный, к тому же мы служим в одном ведомстве. Вашего слова – в нужное время и в нужной ситуации – будет достаточно, чтобы укрепить мои позиции. Я же хочу иметь загранпаспорт и попасть в состав одной из делегаций, которая будет выезжать в любую из капстран. Как оттуда перебраться в Лондон и как на первых порах закрепиться там – это уже мои проблемы.

– Рассчитываешь на кого-то из своих бывших клиентов?

– Причем на нескольких сразу. Они достаточно высокопоставленны и финансово состоятельны, чтобы, не особо напрягаясь и ничем не рискуя, помочь мне войти в новое общество. Один из них даже предложил мне должность в службе безопасности своей международной промышленной корпорации.

– Имя этого благодетеля Гревилл Винн?

– Нет, – не задумываясь, ответила Курагина, но в то же время и не попыталась выяснить, о ком идет речь. Хотя должна была бы. – Впрочем, появлялись и другие, более щадящие, предложения.

– В таком случае многое проясняется.

Пеньковский облагородил свое состояние несколькими глотками вина и, опустившись в кресло, с минуту рассматривал оставшееся в бокале.

– Решаетесь: бежать или не бежать? – тоже подседа к журнальному столику Курагина.

– Этот вопрос должен был задать я. И звучать он должен проще и лаконичнее: «Ты что, твердо решила бежать, или все эти словеса – бред под настроение?».

– Только не бежать, а чинно, по-английски уйти. Признаюсь: четкого плана пока что не выработала. Впрочем, на этом этапе важно знать, что такая возможность всё же появилась, что она в принципе существует.

Полковник допил остаток вина, обратил внимание, что к своему стакану секс-агент даже не притронулась, что еще раз подтверждало, что спиртные напитки, да и то в мизерных дозах, она в самом деле употребляла, только находясь на задании.

– Хорошо, а что из всего этого, выражаясь по-одесски, буду иметь я?

– Странный подход. А то, что вы и так уже имеете, причем во время каждой из наших встреч, – в расчет не принимается?

– Речь идет о наших отношениях в будущем, – уточнил полковник.

– Как минимум получите своего надежного человека в Лондоне, обитель которого станет вашим первым пристанищем за рубежом. Выразусь конкретнее: на первых порах адаптации, которая вряд ли окажется для вас легкой или хотя бы в какой-то степени безопасной, эта обитель может превратиться во вполне комфортную конспиративную квартиру. Разве этого мало?

Москва. Кабинет полковника Пеньковского.

Апрель 1961 года.

Начальник одного из отделов внешней разведки ГРУ генерал Родов, – по прозвищу Крысолов, которое он сам себе, похоже, и присвоил, – как всегда, нагрянул неожиданно. Рослый, грубовато «сработанный», со смугловатым, хищным каким-то лицом – орлиный нос, черные глаза, мощные, по-азиатски выпяченные скулы, – то ли предводителя крестьянского бунта, то ли матерого конокрада; и на подчиненных своих, и на руководство Родов обычно производил одинаково гнетущее впечатление. Во всяком случае, те и другие старались как можно скорее избавиться от его присутствия.

– Так что в протоколе писать будем Пеньковский? – еще издали, по «хулиганской» привычке своей, бросил на стол полковника массивную, кожаную, с желтой змейкой и золотой печатью на хомутке увенчанной, папку.

– Это вы по поводу чего, товарищ генерал?

– Ходят слухи, друг служивый, что ты наконец одумался и решил вернуться «на передовую», в самые что ни на есть «штурмовые порядки».

Полковник прекрасно помнил, что правом оказаться «в штурмовых порядках на передовой» генерал-майор наделял только «действующих службистов» ГРУ, не подпуская к этой плеяде всякого, кто работал «под крышей»; или, под какими-то там прикрытиями, «кротячил» по всевозможным воинским частям и военно-оборонным организациям.

– Из непроверенных источников сведения у вас, товарищ генерал, – проворчал Пеньковский, с ленцой в каждом движении поднимаясь и предлагая Родову присесть к приставному столу. Разница в их воинских званиях полковника уже давным-давно не смущала.

– Вот и я говорю: пора подчищать тылы, полковник, давно пора. Агентура «засорена» до предела, источники морально устарели; утечка информации просматривается по всем штабным отделам. Крыс много завелось, крыс. Но ведь и крысоловы тоже пока еще не перевелись, как считаешь, друг служивый?

– Считаю, что в партийных структурах выводы ваши будут расценены как «непростительное сгущение красок, нацеленное на подрыв доверия к ГРУ и вообще ко всем органам госбезопасности. А также на полную их дезорганизацию».

Лишь на какое-то время брови Крысолова застыли где-то под густой сединой волос. Однако он очень быстро овладел собой.

– А не допускаешь, друг служивый, что, наоборот, парторганы воспользуются мнением опытного разведчика, дабы прочистить наконец штурмовые порядки всей нашей послевоенной армейской разведки?

Пеньковский воинственно рассмеялся. Он уже входил в образ ценнейшего агента британской разведки, причем, хотелось бы верить, полковника этой разведки, о котором, – как о «борце против советской военщины, которая, исходя из своей агрессивной политики ядерного шантажа, подталкивает мир к третьей мировой войне», – вскоре узнает весь мир.

Причем узнает именно в таком статусе – не предателя, нет, а, наоборот, патриота «всё еще той, истинной России». В ипостаси «мужественного борца против разгула советской, коммунистической военщины...» или что-то в этом духе, – горячно вылавливал из памяти некие

пропагандистские штампы да ярлыки. А посему Родов, это «служебное ничтожество», уже не вызывал у него ни уставного страха, ни просто элементарного уважения.

Как человек воспитанный и предельно осторожный, он конечно же не станет доводить отношения с Родовым до конфликта и вообще демонстративно «охлаждать» их. К чему? По существу, они уже пребывают в разных политических измерениях, в разных мирах.

– Не допускаете, генерал, – впервые за все время знакомства обратился к нему Пеньковский, пренебрегая уставным обращением «товарищ», – что «расчищать» примутся именно с вашей должностной кандидатуры? Разве не вы главный у нас, в ГРУ, по внутренней безопасности, считай, по всему нашему «управленческому Смершу»? Не вас ли принято считать последней контрразведывательной надеждой Генштаба?

– Представь себе, полковник, воистину последней. Причем считают не зря. Имеются все основания; послужной список наград и поощрений – тому подтверждение.

Полковник демонстративно взглянул на настенные часы, давая понять, что крайне ограничен во времени, однако генерала это не остановило. Родов не был его шефом, даже когда Пень-Пеньковский, как, и в самом деле, именовали теперь полковника в коридорных кулуарах, все еще числился в «штурмовых порядках» ГРУ. Что уж говорить о нынешних временах, когда согласно государственно-административной «табели о рангах», то есть по партийно-номенклатурному статусу своему, генерал и вовсе топтался на ступеньку ниже.

К тому же только ленивому в Главном разведуправлении неизвестно было, что Пеньковский все еще пребывает под покровительством своего «фронтового бати», маршала Варенцова. Во всяком случае, сам полковник никогда и никому забыть об этом не позволял. Единственное, что формально пока еще возвышало над ним генерала, – его воинское звание. Однако полковник Пеньковский был уверен, что и это различие, судя по ситуации, очень скоро будет устранено.

– Собственно, я навелител тебя, друг служивый, по совершенно иному поводу, – вдруг спокойно, миролюбиво произнес генерал. – Агентура сообщает, что сегодня ты встречаешься с неким британским подданным, мелким промышленником, который прибыл в Москву в составе официальной делегации, и якобы исключительно ради налаживания деловых связей.

– Именно так, для налаживания деловых связей, – с нотками вызова в голосе, подтвердил Пеньковский.

– Ну да, ну да, понятно. В свете новых веяний этой самой, как именуют ее на Западе, пресловутой «хрущевской оттепели».

– В самом деле, «оттепели», без какой-либо «пресловутости», – вежливо, но в то же время назидательно уточнил полковник.

– И я – о том же.

– Тогда неминуемо возникает вопрос: а что в этой тривиальной истории вас, генерал, больше всего возмущает: воплощение в жизнь «пресловутой хрущевской оттепели», или же пригревшийся под лучами этой «оттепели» довольно известный британский бизнесмен, готовый налаживать экономические отношения с нашими предприятиями? Показывая, таким образом, пример другим бизнесменам и всем зарубежным деловым кругам. Вон корреспонденты ведущих британских, американских и прочих газет копытами землю роют, ожидая старта переговоров; поскольку давно придумали заголовки для сенсационных сообщений на первых полосах своих изданий.

– А, по-моему, этот проходимец Гревилл Винн, – всего лишь завербованный на время, для разового использования, британский агент, который и близко не стоял рядом со скольконибудь профессиональным разведчиком.

– Поскольку всегда оставался бизнесменом.

– Он такой же бизнесмен, как и разведчик. Мелкий агент на зарубежных побегушках – только-то и всего.

– Не сомневаюсь, что, как человеку, который с одинаковой ревностью служит и в военной разведке, и в Управлении контрразведки КГБ, вам, генерал, доподлинно известны не только конкретный род занятий этого британца, но и его биография. Непонятно только, зачем вы затеяли весь этот разговор со мной. Хотя прекрасно знаете, что организацией приезда Винна и всей британской делегации занимался не я.

– Потому и затеял, друг служивый, что хочу предупредить: тебе подставляют дешевого провокатора, который при малейшей попытке войти к нему в доверие растрезвонит об этом на всю Европу. После чего тебя не только оставят без дипломатического паспорта и выездной визы, но и снимут с должности как окончательно скомпрометировавшего себя в работе с иностранцами.

В этот раз ухмылка Пеньковского выдалась еще воинственнее. Он уже постепенно начал привыкать и к ухмылке этой, и к высокомерной напористости. Он все больше входил в образ аристократа, временно оказавшегося в гуще плебса, но позволившего себе не забывать о своем происхождении.

Что же касается дипломатического паспорта, визы и самой службы, то всё это он уже слышал от «леди» Курагиной. Однако подобными предостережениями его не остановишь.

– Мне хорошо известно, – храбро парировал полковник, – что наша доблестная госбезопасность отслеживает этого «буржуя-пилигрима» давно. Причем во время нынешнего вояжа ведет его от самого Лондона. Но точно так же давно господин Винн пребывает и в моей личной разработке; а буквально через сорок минут, – демонстративно взглянул теперь уже на наручные часы, – должна состояться встреча с ним.

– Ничего страшного, господин британец подождет. Тем более что до «Националя», где намечена ваша встреча, рукой подать, – вновь попытался генерал поразить его информированностью. – Надеюсь, вас, полковник, не нужно инструктировать по поводу того, какого рода сотрудничество с господином Винном нас действительно устроило бы?

– Окажите такую услугу, товарищ генерал. Даже не помню, кто и когда инструктировал меня в последний раз.

Тон, в котором последовала эта словесная оплеуха, был настолько вызывающим, что Родов невольно отшатнулся. Это уже было чересчур. Пеньковский и раньше позволял себе некоторое высокомерие, но все же был осмотрительнее.

– Вы-то хоть не сомневаетесь, что имеете дело с британским шпионом? – в буквальном смысле окрысился на него генерал.

Теперь он вел себя так, словно перед ним оказался очередной «потерявший пролетарскую бдительность» чиновник. Правда, пока еще не до конца запуганный, а потому «не до конца осознающий...». То есть возникла классическая для «хрущевской оттепели» ситуация, когда «то-ва-рищ все еще, и пока еще, недо-по-ни-мает», однако с «ночным воронком» приходится поременить.

– Не могу же я предположить, что нам подставляют человека, совершенно не связанного с разведкой. С моей стороны это выглядело бы наивно.

– Чтобы не сказать: «политически незрело».

– Тем не менее существует жесткая установка: работать с Винном исключительно «чисто». Как с бизнесменом, который прибыл в составе делегации английских промышленников и специалистов с самыми благими намерениями. И никаких попыток заподозрить, спровоцировать, а тем более изобличить в шпионской деятельности не предпринимать.

– Это ж кто дал такую установку? – подозрительно прищурился генерал, постепенно стирая грань между дружеским разговором и шадящим допросом.

– Не будем уточнять, кто конкретно. Важно, что мы должны продемонстрировать миру свою готовность развивать деловые экономические отношения со всеми, в том числе и с представителями западных стран. Причем, уточняя: это уже не просто приказ, это политическая

установка Политбюро и ЦК, которую лично я намерен выполнять неукоснительно. Так что накапливать компромат, если только будет что накапливать, – это уже дело парней из госбезопасности.

– Которые тоже получили директиву: особо не засвечиваться, – неожиданно признал генерал. – Никаких официальных претензий британцам не предъявлять, вербовкой не заниматься и на шпионские скандалы не провоцировать. С представителями сволочной зарубежной прессы тоже вести себя предельно деликатно. Непонятно только, как в подобной ситуации можно полноценно работать?

– Вот видите, – усмехнулся Пеньковский, – всё очень быстро прояснилось. А теперь прошу прощения – тороплюсь. Служба, знаете ли.

– Да-да, понимаю, – тоже поспешно поднялся Родов. – Я, собственно, чего приходил, – расстегнул он папку. – Появилась служебно-информационная брошюра о суде по делу известного вам генерала Власова, а также его приспешников – целого ряда белых, а затем уже и германских, генералов: Петра и Семена Красновых, князя Султан-Гирея Клыча, Андрея Шкуро, группенфюрера, то есть генерал-лейтенанта войск СС, фон Панвица, который курировал русские казачьи части как представитель высшего германского командования; и всех прочих, приговоренных в начале 1947 года к смертной казни через повешение.

– И... что из всех этих сведений следует? – непонимающе, демонстрируя бычью тупость, уставился на генерала Пеньковский. – Да, Военная коллегия Верховного суда вынесла приговор... Да, всех их повесили. Общеизвестный факт. В связи с чем, в таком случае, возбуждается интерес к нему?

– Если коротко, эта брошюра – мой личный экземпляр. А сам очерк написан по материалам трибунала, причем, судя по всему, без особой цензуры; так что сам понимаешь...

– Ну, во-первых, суть этих материалов мне известна. Во-вторых, все это – дела давно минувших дней.

– Не таких уж и «давно минувших», – заметил Родов, теперь уже отчетливо понимая, что, после мимолетной пикировки, вручение этого «предательско-расстрельного чтива» явно выглядит неуместным. – Пятнадцать лет после войны – всего-то. И вообще советую прочесть: много поучительного, особенно для тех, кому позволено бывать в капиталистических странах.

– А при чем тут – «позволено не позволено»? Ваша бы воля, товарищ генерал, так вы бы всех нас, всю страну, за колючую проволоку загнали, чтобы в любую поездку, даже в соцстрану – только по амнистии.

Услышав это, Родов очень пристально, с ангельским умилением, присмотрелся к полковнику. Это был взгляд следователя, которому наконец-то удалось выбить у подсудимого нужные показания. «Вот мы и раскрылись! – явственно прочитывалось в ястребином выражении его лица. – И правильно! И давно бы так, ради облегчения души! Только умолкать не нужно. Колись, колись, раз уж начал».

– А что значительная часть вражеской агентуры до сих пор появляется у нас из фронтового прошлого, с психологией и мировоззрением «власовцев», – для вас, полковник, это что, ново?

– В любом случае распространяться о том, что в Великую Отечественную десятки тысяч пленных красноармейцев верой и правдой служили рейху, да к тому же под эгидой СС, – непатриотично. Сам тот факт, что обе эскадрильи власовцев – истребительная и бомбардировочная – пребывали под командованием Героев Советского Союза чего стоит!

– Значит, вы все-таки в материале, – теперь уже откровенно пытался подловить Пеньковского этот гэрэушный «крысолов».

– А шестьдесят тысяч штыков под занавес войны – в одной только первой дивизии РОА? Поневоле возникает вопрос: – в свою очередь, откровенно давил Пеньковский на генерала, – может, для СССР эта война действительно была еще и гражданской? В продолжение той, прис-

нопамятной, из которой весь этот белогвардейский генералитет и возникал? Будем и дальше продолжать наш урок политического ликбеза или же благоразумно остановимся?

* * *

Родов уже понял, что, явившись к Пеньковскому, да к тому же на территорию его «парамфии», он допустил психологическую ошибку. Тем не менее пришел все же не зря. Генерал вдруг открыл для себя, что тихони Пня-Пеньковского, который одинаково неуютно чувствовал себя и в среде фронтовиков, и в среде дипломатов, не говоря уже о товариществе профессиональных разведчиков, больше не существует. Его представления о полковнике явно устарели, потому что буквально в последние месяцы он вдруг забурел, заматерел, выработал в себе волчий оскал, почувствовал себя гражданином Свободной Европы, а то и «гражданином мира».

Конечно, в творческой среде теперь это сплошь и рядом. «Оттепель», видите ли! Но ведь в творческой же, а не в кадрах военной разведки!

В самом деле, получив индульгенцию на право общения с иностранцами, причем где угодно и по любому поводу; ощутив приволье зарубежных командировок и предательский привкус «забугорья», Пеньковский окончательно потерял страх – и перед службой внутренней безопасности ГРУ, и перед парнями из КГБ, да что там – перед самой Системой. А человек, потерявший страх перед Системой, неминуемо оказывается за «точкой невозврата», а значит, за расстрельной чертой.

Дня два назад Родов просмотрел агентурную сводку «по Пеньковскому» отдела наружного наблюдения городского управления КГБ. При таком наличии «компрометирующих связей» любой другой офицер ГРУ давно оказался бы в «бериевских подвалах». Этого же пока что не трогают. Вопрос: долго ли так будет продолжаться?

Генерал подошел к трафаретно забитой трудами классиков марксизма книжной полке и только тогда, умирив свою гордыню, как можно спокойнее произнес:

– Все же, мой тебе, друг служивый, совет: в этих судебных материалах по Власову и власовцах действительно много житейского, самым суровым образом поучительного. Даже не представляешь себе, полковник, – добавил уже от двери, – сколько и насколько там всего поучительного. Двое суток даю для знакомства, с жестким возвратом.

Ушел Крысолов, так толком и не попрощавшись. Однако никакого впечатления на Пеньковского это не произвело. «Похоже, этот, отслуживший свое «старый медный котелок» что-то заподозрил? – холодно отметил про себя, не предаваясь ни малейшему волнению, и принялся механически перелистывать оставленную генералом книжонку. – Хотя, кто бы на его месте не заподозрил, видя перед собой человека, собирающегося в очередную командировку в капстрану?»

«Генерал Благовещенский», – задержал он взгляд на знакомой фамилии. Весной сорок пятого один военюрист просветил его, что на самом деле Русская освободительная армия (РОА, или по-окопному «русская армия предателей») начала зарождаться по инициативе именно этого генерала, Благовещенского. Причем задолго до того, как в плену оказался Андрей Власов. Дескать, еще в сентябре 1941 года Благовещенский обратился к командованию вермахта с предложением сформировать из красноармейцев воинские части, которые бы сражались на стороне рейха. То есть Власов попросту украл его идею, или, точнее, своевременно «примазлся» к ней.

Впрочем, встретились они – Благовещенский и Власов, – как явствовало из брошюры, еще находясь в плену, в Берлинском, особом (подчиненном отделу пропаганды Генштаба вермахта) лагере военнопленных. Вместе с бывшим «генералом-любимцем Сталина», Благовещенский прямо там, в лагере, создавал Русскую трудовую национальную партию. Кроме того, активно занимался выявлением среди военнопленных коммунистов, политработников и

евреев. Однако в 1945-м, уже после капитуляции рейха, американцы выдали его представителям советских властей в Германии. Так что, по иронии судьбы, осужден и казнен он был тоже вместе с Власовым.

«Однако ни Британия, ни США капитулировать не собираются, – воинственно заключил Пень-Пеньковский, покончив с нервным просмотром этого текста. – Ни о какой выдаче советским властям теперь уже и речи быть не может. Наоборот, в случае ареста, Запад сделает все возможное, чтобы освободить тебя. Скорее всего, обменивая на одного или нескольких советских шпионов, задержанных в Британии. Из тех, которых сам же и сдам», – презрительно оскалился полковник. И в оскале этом уже просматривался некий самурайский фатализм.

* * *

Опустившись на заднее сиденье «Волги», полковник велел водителю ехать к отелю «Националь» и, все еще теребя в руках брошюру, запрокинул голову, словно бы собирался подремать. Водитель, отставной старшина погранвойск и внештатный сотрудник КГБ, до сих пор представавший перед шефом как человек покладистый и в доносах своих обходившийся без фанатизма, так и воспринял было его состояние. И даже обронил: «Если прикажете, пойду «запасными тропами», будет время «покемарить».

Вряд ли он сумел разглядеть мечтательную ухмылку полковника, но даже по молчанию его понял: в этот раз вышла промашка.

А тем временем Пеньковский снова входил в образ ценнейшего агента британской разведки, причем уже офицера, полковника этой разведки, о котором, – «как о борце против агрессивной советской военщины», вскоре узнает «все прогрессивное человечество».

Всё-таки встреча с генералом прошла не зря. Она помогла полковнику сформулировать некое подобие идейной платформы сотрудничества с Секрет интеллидженс сервис (она же – МИ-6), её четкой мировоззренческой основы, которой британская контрразведка обязательно заинтересуется. И будет права, поди знай, вдруг русские подсовывают им очередного Рихарда Зорге?

На обложке брошюры в самом деле красовался гриф «Для служебного пользования», и в былые времена даже Родов не решился бы вынести её за пределы своего кабинета, не то что на двое суток отдавать в чужие руки. Прав, наверное, генерал: эту контору, ГРУ именуемой, действительно пора основательно «подчистить». Раз-бол-та-лись стервецы! Разне-жились!

Веером пропустив страницы книжечки между пальцами, Пеньковский задержался на абзаце, в котором речь шла о гибели 2-й ударной армии Волховского фронта, заместителем командующего которого являлся в то время генерал-лейтенант Власов. Полковник тут же вспомнил, с какой яростью взрывался при одном только упоминании о Власове генерал, а со временем и маршал Варенцов. Но именно он однажды, после чтения какой-то газетной статьи о генерале-предателе, сказал:

«А ведь автор этой писанины должен был бы знать, что командармом 2-й ударной Власов никогда не был. Он прибыл спасать ее, будучи заместителем командующего фронтом. Причем прибыл уже тогда, когда армия была обречена и пребывала в агонии: без снарядов, без продовольствия, без какой-либо поддержки с земли или с воздуха. Так что все эти бредни о том, что будто бы Власов развалил армию и сдал её немцам, пора бы прекращать. Судя по всему, в плен он попал сам, без штаба и каких-либо подразделений, пребывая в полной безысходности. Словом, рано или поздно история этой армии потребует правды и справедливости».

Но, судя по всему, это был всего лишь «миг просветления». Варенцов знал, с какой неистребимой ненавистью относились к пленным «власовцам» красноармейцы, однако не было случая, чтобы он или кто-либо другой из генералов попытались пресечь все эти суесловия. До

самосудов, правда, доходило редко, потому как и Смерш, и командиры старались на корню пресекать.

Впрочем, ходили слухи, что командование всячески третировало бывших служащих, особенно офицеров «власовской» ударной, а Смерш и трибуналы «расстрельно занимались» ими при малейшей зацепке. Так ли это происходило на самом деле, Пеньковский не ведал, однако, зная о дичайшей кровожадности военно-полевых судов Рабоче-крестьянской Красной, охотно «верил на слово».

И вообще с куда большим интересом он вникал в тонкости бытия Власова в Германии. Уж там-то было над чем пофантазировать. Чего стоила хотя бы женитьба генерала на немке Адели Биленберг, вдове погибшего на фронте офицера СС, брат которой к тому же являлся человеком, приближенным к самому рейхсфюреру СС Гиммлеру.

«Этим путем, – принялся читать полковник о попытке Власова объяснить на суде свое решение осчастливить СС-вдовушку Адель, – я рассчитывал войти в эсэсовские круги, подчеркнуть прочность связей с немцами и не исключал возможности получить через брата Биленберг доступ к Гиммлеру. Мне не стоило большого труда уговорить Биленберг стать моей женой. В разговорах с ней я настойчиво проводил одну и ту же мысль, что если нам будет предоставлена большая свобода действий, то я организую из военнопленных боеспособную армию, которая окажет немцам помощь в войне против Советского Союза».

А какие эмоции вызывал сам тот факт, что Гитлер присвоил бывшему советскому генералу, защитнику Москвы Власову чин генерал-полковника. Именно это повышение, как и мнимая тогда еще близость с Гиммлером, помогали Власову в привлечении к службе в РОА бывших царских, белых и советских генералов да старших офицеров; а затем – и в создании Комитета освобождения народов России, то есть КОНРа.

Еще немного полистав брошюру, Пеньковский остановил свой взгляд на странице, с которой начиналось описание почти анекдотического ареста командарма РОА, и лицо его исказила гримаса презрения: иметь свои разведывательно-диверсионные подразделения, иметь личную охрану – и так бездарно, по-бабьи попасться в руки красноперых! Даже законченный идиот, и тот хоть как-то позаботился бы о своей безопасности и спасении. Во всяком случае, не допустил бы, чтобы его на глазах у «вверенных ему» солдат вытаскивали из машины и, в буквальном смысле этого слова, «вытряхивали» из ковра.

Москва. Военно-воздушный атташат при посольстве США.

Апрель 1961 года.

Все еще накануне встречи британского разведчика с полковником ГРУ Пеньковским

«А ведь Малкольм умышленно прервал этот разговор буквально на полуслове, – подводил итог своей беседы с шефом капитан Дэвисон. – Чтобы я не смог спросить, почему вдруг он заинтересовался моими давними «фронтовыми» связями с полковником Даллесом, генералом Доновэном и оберштурмбаннфюрером СС Отто Скорцени. Точнее, чье любопытство он пытается удовлетворить на самом деле? Свое, или кого-то из сотрудников Европейского бюро ЦРУ? А ведь не исключено, что и в самом деле кого-то из «европейцев».

Однако же сотрудник, вышедший на полковника Малькольма, тоже выступает всего лишь неким передаточным звеном. Хотя, с другой стороны, все мои связи описаны в «досье», а значит, не единожды проверены и перепроверены офицерами контрразведки и в ходе вербовочных допросов пленных русских, и в беседах с Алленом Даллесом, Уильямом Доновэном, хозяином пансионата «Горный приют» Ангелом Бошем, а возможно, и со Скорцени. Не зря же агенты УСС десятки раз опрашивали и допрашивали этого обер-диверсанта рейха. Но тогда, может быть, кому-то очень не хочется, чтобы мои мемуары все-таки были завершены, а тем более – опубликованы?»

О том, что эта, последняя, его версия справедлива, капитан убедился довольно скоро, как только во второй половине дня атташе снова пригласил его к себе.

– Ладно, будем считать, что в данном эпизоде с полковником Пеньковским британцам повезло чуть больше, – произнес Малькольм таким тоном, словно утренний разговор их даже не прекращался.

– Но и рисковать им придется по полному контрразведывательному раскладу русских. Что же касается важной военно-промышленной информации, которой в принципе может обладать русский полковник, то англичане обязаны будут поделиться ею, сэр.

– Поэтому и говорю: постарайтесь наладить самые тесные деловые отношения с британским резидентом. Мы должны получать сведения непосредственно от него, а не ждать, пока они перебродят во чреве МИ-6. Нет, в самом деле, что в моих рассуждениях «не так»?

Как всегда, после этого, почти ритуального для Малкольма риторического вопроса, его помощник выдержал небольшую паузу и спокойно продолжил:

– К слову, стало известно, что, ко всему прочему, Пеньковский еще и является зятем известного фронтового генерала Гапановича⁶.

Атташе артистично поморщил лоб, как школьник, который демонстративно пытается вспомнить то, чего никогда не знал. О таком генерале он явно слышал впервые.

– Хотите сказать, что этот самый Гапанович мог бы представлять для нас какой-то интерес?

– Несомненно, мог бы, сэр. Генерал Генштаба как-никак. Он был очень влиятельным, имя его до сих пор котируется в генеральских кругах. Жаль, что несколько лет назад он умер.

Полковник уставился на Дэвисона, как унтер-офицер на пройдоху-новобранца.

– Все-таки Россия в самом деле плохо влияет на вас, капитан. Продавать «мертвые души» – это их, русских, изобретение. Помнится, вы как-то уговорили меня сходить на спектакль об этих самых русских «мертвых душах», из которого я, правда, мало что понял. А теперь вот и сами пытаетесь сбить мне стопроцентно «мертвую душу», пусть даже и генеральскую?

– Простите, сэр. Имя Гапановича я упомянул только для того, чтобы подчеркнуть: полковник Пеньковский давно был вхож в круг генштабовского генералитета, что уже должно привлекать внимание любой разведки. Но существует еще один факт. Этот полковник пребывает под личным покровительством главного маршала⁷ артиллерии, кандидата в члены ЦК КПСС Сергея Варенцова.

– Надеюсь, все еще здравствующего маршала? – вопросительно уставился на своего помощника Малкольм. – Не забываетесь, я ведь не гробовщик.

– До вчерашнего вечера он был жив, сэр, – начала раздражать Дэвисона придиричивость полковника. – А значит, велика вероятность, что и сегодня он всё еще...

– То есть твердой уверенности в этом у вас тоже нет?

– Как я уже сказал: по состоянию на вчерашний вечер, сэр, – подчеркнул капитан, стоически сдерживая свою раздраженность.

Малькольм лениво, с нарочитой медлительностью извлек из стола справочный буклет высшего командного состава русских и принялся столь же лениво перелистывать его. Специально изготовленный Русским отделом разведки, этот справочник был ценен уже хотя бы тем, что под каждой фотографией здесь подавалась краткая справка, с указанием чина, должности и связей в кремлевских кругах. Другое дело, что фотографии пока еще имелись не над каждым сведением, да и перечень фамилий все еще представал далеко не полным.

---

⁶ Речь идет о генерал-лейтенанте Дмитрие Гапановиче (1896–1952), завершившем свою армейскую карьеру в должности начальника Главного управления боевой и физической подготовки Сухопутных войск Генштаба Вооруженных сил СССР.

⁷ Напомню, что в Советской армии существовали три маршальских звания: маршал рода войск, главный маршал рода войск и Маршал Советского Союза.

– И чем же объясняется такая привязанность маршала к полковнику Пеньковскому? – поинтересовался военно-воздушный атташе, находя наконец нужную страницу. – Всего лишь своей былой дружбой с давно почившим генералом Гапановичем?

– Не только, сэр. Случилось так, что еще в сорок четвертом году Пеньковский был назначен адъютантом командующего артиллерией 1-го Украинского фронта генерал-полковника Варенцова.

– Вот как?! – откинулся на спинку кресла атташе. – Оказывается, он еще и ветеран Второй мировой?

– А значит, наш фронтовой союзник, – вновь попытался уловить ход его мыслей помощник.

– Однако союзнические связи меня не интересуют. А вот поддержка фронтового командира, это уже принципиально, – одобрительно повел подбородком полковник. – Воинское братство – это святое, в чем бы оно в конечном итоге ни проявлялось, капитан.

– Оно понятно даже мне, так и не побывавшему в окопах, сэр, – поспешил заверить своего шефа Дэвисон, дабы не позволить ему оказаться в плену у фронтовых воспоминаний, которых ему пришлось наслушаться до одури. – Кстати, во всем, что касается их «отечественной» войны, русские предельно сентиментальны. Так что во время вербовки фактор бывшего союзнического братства тоже способен сработать.

* * *

Для капитана Дэвисона не было секретом, что и чин полковника, и должность военного атташе его шеф получил только благодаря поддержке бывшего летного командира, под командованием которого Малкольм, тогда еще тоже в чине капитана, воевал в небе Западной Европы. Уже после войны бывший подполковник Сэмэнс дослужился до одного из заместителей министра обороны, и даже умудрился стать сенатором штата, но при этом благосклонно воспринимал все навязчивые напоминания о себе фронтовых подчиненных. Что, судя по всему, отразилось и на карьере Малкольма. Так что слова о фронтовом братстве атташе, похоже, произносил искренне.

– А ведь с маршалом Варенцовым давно следовало бы познакомиться поближе, – назидательно напомнил полковник. – Как и с некоторыми другими русскими военачальниками. Что в моих рассуждениях «не так»?

– Удобнее всего это будет сделать в начале мая, сэр. Накануне 9 Мая, то есть Дня Победы, русские обычно проводят массовые встречи, в том числе и с дипломатическим корпусом. Так, почему бы нам, с учетом новых веяний «хрущевской оттепели», не инициировать некую встречу бывших союзников?

– Встречу, говорите? Союзников? Вполне допускаю. Но только не по нашей инициативе, капитан. Лучше подбросьте эту идею русским; на этом своем «Дне Победы» они буквально помешаны. В моих рассуждениях в самом деле что-то «не так», Дэвисон?

– Как можно?! Образец аналитики, сэр, – с трудом замаскировал снисходительную ухмылку помощник военно-воздушного атташе.

Знал бы кто-нибудь, как ему надоели эти риторические пассажи полковника! Но что поделаешь?

– Кстати, почему вдруг Пеньковский обратился к британцам, а не к нам? – тут же последовала резкая смена темы.

– В том-то и дело, что, как позже выяснилось, еще в октябре прошлого года он пытался передать письмо нашему посольству через одного из технических работников.

– Но вмешались сотрудники военной контрразведки? – насторожился полковник.

– Просто работник, к которому обратился наш русский, оказался человеком предельно осторожным, чтобы не сказать, преступно пугливым.

– Вторая версия мне импонирует больше.

– Так вот, этот джентльмен решил, что его в очередной раз проверяет служба внутренней безопасности посольства. И, естественно, отказался принять послание русского.

– Ну, попытка, согласитесь, сомнительная... – побарабанил пальцами по столу Малкольм. – Как и сама версия о серьезном поиске контактов. Слишком уж непрофессионально подставлялся этот «посольский подкидыш».

– Именно так этот инцидент и следовало бы воспринимать, сэр, если бы не одно обстоятельство.

– Кстати, я припоминаю, что кое-что слышал об этой истории от «посольских», хотя обычно о подобных проколах они стараются не распространяться. Впрочем, на этом наш русский коллега не успокоился, так ведь?

– В том-то и дело, сэр, наш «посольский подкидыш», как вы изволили выразиться, явно не успокоился. Вскоре последовала вторая попытка установления контакта, в ходе которой Пеньковскому все же удалось передать свое письмо в посольство. Как ни странно, проделал русский эту операцию до предела рискованно. Он попросту вручил послание одному из завсегдаев Американского клуба, который был накоротке со вторым секретарем посольства. Причем вручил, едва познакомившись с этим американцем.

– Все-таки любят русские время от времени крутануть наганный барабан судьбы на своей «русской рулетке», – вальяжно развел руками полковник.

– Или же положиться на перст судьбы, не забывая при этом о тонком психологическом расчете.

– Человек, который информировал меня о первой попытке, сказал, что речь идет о каком-то странном русском типе из Иностранного отдела Управления внешних сношений. И только вчера я убедился, что этим «странным типом» оказался наш нынешний подопечный, полковник Пеньковский.

– Увы, теперь он подопечный Сикрет интеллидежнс сервис, а не наш. По простоте своей душевной второй секретарь посольства тут же переправил это письмо советского полковника вместе с двумя десятками всевозможных материалов, переданных русскими диссидентами, дипломатической почтой в Париж.

– Вы, очевидно, имели в виду Лондон. Однако звучит ваша версия неправдоподобно.

– Потому что письмо Пеньковского в самом деле ушло Париж.

– Париж – это хорошо. С удовольствием поменялся бы с тамошним атташе. Стоп, а при чем здесь Париж?

– Потому что, осмелюсь напомнить, сэр, главной достопримечательностью этого города является Европейское бюро Центрального разведывательного управления США.

Малкольм снял очки, помассажировал переносицу и устало взглянул на Дэвисона. Он вообще производил впечатление человека, давно страдающего неизлечимой хронической бессонницей.

– Точно так же, как второй секретарь нашего посольства является главной достопримечательностью Европейского бюро ЦРУ в Москве. Все логически сходится, капитан.

– Да только наши коллеги из Европейского бюро ЦРУ решили, что речь идет о банальной провокации русских. Еще одной, предельно наглой и до тупости примитивной... Иначе как объяснить, почему до сих пор никакой реакции из Парижа не последовало?

– Все-таки правы те, что считает Европейское бюро ЦРУ – не чем иным, как скопищем бездельников. И таковым оно было всегда.

Капитан понимающе покряхтел. Но из благоразумия ни возражать, ни поддакивать шефу не стал.

В свою очередь, Малкольм прекрасно знал, что его помощник только потому и попал в штат военного атташата, что начинал дипломатическую карьеру в Европейском бюро. Да еще благодаря своему знанию русского языка, который изучал, вплоть до «блатного жаргона», будучи следователем военной полиции в лагере для интернированных лиц из республик Союза.

– Что же на самом деле ценного содержалось в письмах этого русского полковника? – спросил тем временем атташе.

– Открытым текстом набивался в сотрудники американской разведки.

– Что, просто так вот, со всей мыслимой непосредственностью?

– Со всей мыслимой...

– Все-таки полковник военной разведки. Судя по чину и должности, – за плечами немалый опыт...

– Причем самое удивительное, что в этом письме Пеньковский сообщил не только свой домашний адрес, но и номер домашнего телефона, а также уточнил, что звонить ему предпочтительнее по воскресеньям, между девятью и десятью часами утра. Мало того, он даже подсказал, что связник посольства или разведки может встретиться с ним в любой из вторников, в переулке Турчаниновых, стоит только этому гонцу назвать пароль: «Ваш друг письмо получил, я – от него»⁸.

– Потрясающе!

– Кстати, в папке, что у вас под рукой, имеется фотокопия этого письма.

Однако обращаться к тексту письма полковник не торопился. Над бумагами он предпочитал работать в одиночестве. Даже когда речь шла о такой «истоптанной» бумаге, как давнишнее письмо Пеньковского. Точнее было бы сказать, что бывший пилот вообще терпеть не мог бдения над какой-либо бумагой, кроме давно не попадавшихся ему под руку «летных карт». Так что, выдержав небольшую «техническую» паузу, он вдруг спокойно поинтересовался:

– Извините за праздное любопытство, Дэвисон: вы и сейчас, здесь, в Москве, все еще продолжаете работать над своими военными мемуарами?

– Продолжаю. Но вдумчивее, без былого, послевоенного азарта и фанатизма.

– Мудрое решение. За всякими мемуарами возникают силуэты конкретных людей, с их прошлыми увлечениями, грехами, служебными и политическими просчетами, знать о которых нынешнему поколению не следует, это не имеет смысла. Так что все что угодно, кроме фанатизма.

– Особенно политического.

– Вот видите, даже такой неукротимый мемуарист, как вы, со временем начинает проявлять, если не благоразумие, то хотя бы элементарную осмотрительность, – окончательно, до презрительности, охладел взгляд полковника.

– Извините, сэр, – тут же воспользовался случаем Дэвисон, – вы сами подвели меня к прямому, лобовому вопросу: кто из тех людей, чьи имена неминуемо возникнут на страницах моей книги, обратился к вам с просьбой поинтересоваться степенью готовности моих мемуаров?

– Как это ни странно, пораженными грехом «любопытства» оказались сразу несколько человек, чьи имена в разговоре с вами я обещал не упоминать. Впрочем, вычислить их особого труда не составляет.

– Полагаю, что среди этих, клятвенно «неупоминаемых», имя нашего бывшего врага, оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени пока еще не возникало? Речь, напомню, идет о германце, точнее австрийце Скорцени, бывшем личном агенте фюрера по особым поручениям, судьба которого, в общем-то, волновать нас не должна.

Малкольм саркастически усмехнулся.

---

⁸ Здесь используются сведения, почерпнутые из судебных показаний самого полковника Пеньковского.

– Мне не нужно напоминать о том, кем был эсэсовец Скорцени. Мало того, можете смело вычеркивать его имя из числа «подозреваемых», поскольку, кого и чего этому авантюристу от разведки и диверсий опасаться в наши благословенные времена? Военным преступником он не признан, от следствия и суда не скрывается.

– Мало того, он и сам уже издал собственные, весьма впечатляющие мемуары.

– Убийственность ситуации в том и заключается, что за контакты и связи этого «личного агента фюрера по особым поручениям» с американцами, англичанами и прочими антифашистами и демократами журить его никто не станет. Скорее, наоборот, ему, как и множеству других нацистов, это следует ставить теперь в заслугу.

– А вот связи высшего командования американской военной разведки с нацистами... – подыграл Дэвисон своему шефу, – все еще никакому оправданию не подлежат. Причем в оценках их послевоенные поколения становятся все более категоричными – вот что настораживает. Того и гляди, настанет время, когда и наши контакты с коммунистами «пеньковского образца» покажутся нашим потомкам подозрительными.

– «Пеньковского образца» – вряд ли. Отношение к предателям с веками не меняется. К тому же Третий рейх всего лишь оказался нашим временным, ситуативным врагом, а Советы были, и всегда будут представлять в образе вечных и непримиримых...

– Но почему все-таки интерес к моему сочинительству обострился именно сейчас? – решил Дэвисон, что более подходящего случая ждать бессмысленно.

– Одним из героев ваших воспоминаний наверняка является Ангел Бош.

– Бош?!

– Только не пытайтесь убедить меня, что это имя вам не знакомо.

– Почему же? Очень даже знакомо. Просто слишком уже неожиданно. Оказывается, в мутном пруду послевоенного застоя опять всплыло тело этого проходимца!

– И в рукописи ваших воспоминаний он конечно же присутствует?

– А какие «швейцарские мемуары янки» могут обойтись без такого персонажа? – только теперь по-настоящему оживился капитан. – Как-никак держатель нашей конспиративной штаб-квартиры в Швейцарии. Обойти молчанием столь влиятельную в свое время, и столь же колоритную, фигуру – было бы непростительно.

– Еще бы: тот самый Ангел Бош, который конечно же знал многое и о многих, причем по обе стороны фронта сущих.

– Мало того, он буквально поражал нас своей осведомленностью по поводу всего того, что мы, исключительно по наивности своей, тщетно пытались конспирировать.

* * *

Полковник еще глубже погрузился в необъятное, «эпохи позднего викторианства», кресло, и победно отбарабанил какую-то дробь на самом кончике столешницы.

– Так вот, в последнее время служба безопасности, как, впрочем, и органы правосудия, коммунистической Югославии, в частности, Республики Сербской, почему-то вдруг очень заинтересовалась неким сербом, бывшим офицером югославской разведки Ангелом Бошем, он же Ангел Божич, он же Князь Балкан, он же Кровавый Серб, он же Антонио Дорини, он же, он же...

– Вот именно: «он же...». Уцелеть в прошлую войну при таком перечне оперативных псевдонимов способен был только Бош. Хотя, грешным делом, я готов был причислить его в своих воспоминаниях к сонму усопших.

– Кстати, вам известно, что, кроме того, что он был полковником и резидентом югославской разведки, он также умудрился стать офицером британской, итальянской и швейцарской разведок?

– По поводу его принадлежности к британской и швейцарской разведкам – сомнений не возникало. Что же касается итальянской... Явное излишество. Даже для такого коллекционера чинов и агентур, как Бош. Нет, в самом деле разведка «макаронников» – в подобном перечне... Разве что речь идет об «изыске на любителя».

– В том-то и дело, что Бош до сих пор остается верным всем четырем разведкам. Даже югославской. В эмигрантском, антикоммунистическом виде её, конечно. Мало того, он пополнил свою коллекцию титулом агента ЦРУ. Как вам такой расклад, капитан?

– Намекаете на схожесть с ситуацией, вырисовывающейся на фоне судьбе полковника Пеньковского, который тоже может оказаться как минимум тройным агентом?

– Увы, это уже не просто намек. Недавно Ангел Бош объявился в Москве. Причем с паспортом на это же имя.

Малкольм выдержал паузу, вполне достаточную для того, чтобы отследить реакцию подчиненного. И в ожиданиях своих не ошибся.

– Но... в качестве кого он мог появиться здесь? – непростительно занервничал Дэвисон.

– В качестве законопослушного швейцарско-австрийского и швейцарско-канадского бизнесмена, участника того же международного форума бизнесменов, на который явился и наш британец Винн.

– Неожиданно, – задумчиво произнес капитан, даже не пытаясь скрыть свою взволнованность.

– Причем для всех... неожиданно. В том числе и для парней из Европейского отдела ЦРУ.

– Этот тип – один из самых странных и коварных, каких только способна вообразить себе человеческая фантазия.

– Иных отзывов о нем слышать не приходилось.

– Моей персоной он уже интересовался?

– Причем самым беспардонным образом, в стиле сицилийской мафии.

Дэвисон ощутил, как по спине его пробежала ледяная струйка панического страха. Во время своего пребывания в Швейцарии в качестве неофициального референта-адъютанта Даллеса, капитан точно так же панически боялся этого человека. Он почему-то был уверен, что этот подлый серб неминуемо расправится с ним, как расправлялся со многими другими. Благо после капитуляции Германии серб неожиданно передал управление «Горным приютом» своему юристу, а сам куда-то исчез, словно бы растворился. Все, кто только мог, бежали в нейтральную Швейцарию, чтобы спастись и по мере возможности легализоваться, а серб – наоборот, уходил из неё. Да к тому же – в подполье.

Дэвисону – исключительно по делам службы, подчиняясь жесткому приказу, – тоже пришлось покинуть благословенную богом Швейцарию, чтобы познать все прелести растерзанной сражениями Европы. Но таков был приказ. А вот зачем это понадобилось Ангелу Бошу? Кто в принципе способен был в те дни заставить «кровавого серба» уйти из своего альпийского «бункера»? Его, предводителя целого скопища наемных убийц?..

Впрочем, заниматься обстоятельствами исхода и вообще дальнейшей судьбой Боша в те сумбурные времена никакой возможности не представлялось.

– Когда перестаешь бояться, наступает то, чего ты боялся, – произвольно как-то произнес он.

– Позвольте? – напрягся Малкольм.

– Любимая поговорка серба Ангела Боша. Изречение какого-то древнего философа, истинный смысл которого начинаю постигать только сейчас. Кажется, я тоже не вовремя перестал бояться, сэр.

– Не та у нас профессия, чтобы предаваться подобным предостережениям, чьими бы устами они ни порождались, – тоже почему-то помрачнел полковник.

- О мемуарах моих тоже речь уже шла?
- Иначе я не стал бы прощупывать ваши послевоенные настроения и выяснять степень готовности заметок, сочинитель вы наш, – поучительно молвил атташе.
- Логично.
- Уверен, что очень скоро Бош сам выйдет на вас.
- Этот «умиротворитель Балкан» – да, он способен выйти на кого угодно.
- Как, впрочем, и югославская контрразведка.
- Как и контрразведка, – едва слышно пробубнил Дэвисон, однако тут же спохватился: – Позвольте, а при чем здесь югославская контрразведка? Насколько мне помнится, деятельности этого исчадия коммунистического кошмара я не касался.
- А вот и первый проблеск благоразумия, – вскинул брови полковник.
- Не из предосторожности, нет, просто...
- Обойдемся без исповедей, капитан, – жестко прервал его Малкольм. – И мой вам совет: просмотрите главы, связанные с американскими генералами и с Ангелом Бошем, еще раз. Только теперь уже – сугубо «ревизионно». Или «самоцензурно» – тут уж как вам на душу ляжет. Вдруг что-то из давно выстраданного и в чернильные словеса «облаченного», в наши дни покажется вам как автору неактуальным, некорректным, политически ничтожным, или, что еще хуже, общественно опасным. Что в моих рассуждениях «не так», Дэвисон?
- Они – образчик житейской мудрости, сэр, – грустно ухмыльнулся капитан.
- Наконец-то и вы тоже признали это. Хотя порой казалось, что вы так и не постигнете всю глубину моих проникновений.
- Поскольку это практически невозможно, сэр. Но так и быть последую вашему совету: просмотрю еще раз.

Вернувшись в свой кабинет, капитан тут же взялся за рукопись. Что ж, решил он, «самоцензурно» – так «самоцензурно». Что ни говори, а философ был прав: «Когда перестаешь бояться, наступает то, чего ты боялся».

Швейцария. Отель «Горный приют». Конспиративная штаб-квартира Управления стратегических служб США в Швейцарии. Февраль 1945 года

Каждый устраивает свой мир, как может, и как лично его самого мир
этот... устраивает.

Автор

Добротно выстроенный, «семейный», как его называли, пансионат «Горный приют» всегда казался настолько удаленным от мирских забот, и таким идиллически умиротворенным, что поначалу резидент Управления стратегических служб США в Швейцарии Аллен Даллес⁹ всерьез задумывался: а не приобрести ли сразу же после войны этот пансионат в частное владение? Или хотя бы на год-второй поселиться в его «нагорном» крыле, чтобы основательно отдохнуть от всего этого безумного, войной и кровью инфицированного мира.

Возведенный на просторном взгорье, приют был спроектирован как бы в трех уровнях, при которых только центральная часть его «возлежала» на плато, чтобы с тыльной стороны её могли разместиться все хозяйственные пристройки. В то время как низинное крыло покоилось на высоком фундаменте посреди луга и буквально зависало над ущельем, а «нагорное» пристроилось на искусственно расширенном горном уступе, на изгибе хребта. Так что из окон одного из «нагорных» номеров, – на круглый год, на подставное лицо арендованных советником американского посольства Алленом Даллесом, – открывался прекрасный вид на усеянную

---

⁹ Речь идет о том самом Аллене Даллесе, будущем многолетнем шефе Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, который в годы Второй мировой возглавлял американскую разведывательную резидентуру Управления стратегических служб (УСС, предшественника ЦРУ) в Европе.

аккуратными особнячками горную долину, рассекаемую – талантливо запечатленной кистью природы – медлительной речушкой.

Хозяин пансионата «сербо-итальянец Ангел Бош из Триеста», как он обычно называл себя, заслуживал уважения уже хотя бы потому, что принципиально не желал ничего знать о происхождении и роде занятий своих постояльцев. «Преступно снисходительным, и столь же преступно беспечным» – вот каким он представал в официальном восприятии шерифа местной полиции. Который, увы, и сам оказывался «преступно снисходительным, и столь же преступно беспечным» во всем, что касалось щедрого «добряка серба».

А тем временем... Всякого, кто поселялся в «Горном приюте», Бош тут же начинал воспринимать, как члена своей семьи. Другое дело, что номера он сдавал не менее чем на неделю, делая при этом скидки за каждые последующие три недели. Причем цены были вполне приемлемыми, а хозяин даже не скрывал, что благополучием своим обязан чему угодно, только не этому скромному заведению.

По существу, только Даллес знал, что на самом деле «Горный приют», точнее, его, имеющее отдельный вход, «нагорное» крыло, является центральной явочной европейской базой Управления стратегических служб США. Той самой базой, где любой пробравшийся в Швейцарию агент под прикрытием или нелегал – мог отдышаться, сменить документы и имидж, получить авиабилет в США или же, обретя обновленную «оперативную легенду», отправиться в очередную страну обитания.

«Да, вокруг все еще полыхает война, – лично встречал каждого солидного поселенца Бош, – но ведь освященная всеми религиями мира Швейцария, слава богу, не воюет. Поэтому, где «всяк ищущий покоя» может обрести его, как не в Швейцарии? А куда, всяк добравшемуся до вожаемого альпийского рая, податься, как не в «Горный приют» старого сербо-итальянца Ангела Боша из Триеста?»

Теперь уже ни для Даллеса, ни для его адъютанта-референта Дэвисона, взявшего на себя «попечительство над нагорным крылом отеля» и его обитателями, – не было тайной, что на самом деле пятидесятилетний добряк Бош «держал» торговлю оружием и наркотиками в нескольких балканских странах и регионах. Но и это «торговое ремесло» представало всего лишь невинным прикрытием. Поскольку основным его занятием было «умиротворение Балкан», которого он достигал, создавая в каждом из краев этого региона команды профессиональных наемников-убийц и шантажистов, – основная часть которых была выкуплена помощниками Боша у полиции, мафии или повстанцев буквально из-под виселицы, расстрела или давно оплаченного «ножа в спину».

Но это сейчас данные сведения никакой тайны для Аллена не составляли. А полтора года назад, обосновываясь в своем Нагорном крыле, он понятия не имел о корнях благополучия Боша из Триеста. Когда же стали всплывать подробности, хозяин приюта каким-то образом сразу учуял неладное и поспешил успокоить своего постояльца:

– Да, господин Даллес, да! Каждый устраивает свой мир, как может, и как лично его мир этот устраивает. Как он его понимает и воспринимает. Так вот, Ангел Бош, – он всегда говорил о себе в третьем лице, – понимает его так, как понимает. Зато в любое время вы можете обратиться к добряку Бошу за помощью и советом, а возможно, и за спасением. Да, и за спасением – тоже. Помня при этом, что более надежного человека у вас под рукой попросту нет. И вряд ли когда-либо появится.

– Ваши заверения звучат для меня, подобно клятве преданности неким тайным идеалам.

– Причем вполне конкретным идеалам, сэр, – уточнил Бош. – Вы, конечно, можете сослаться на то, что рядом с вами неотступно находится лейтенант Дэвисон, – присутствие при этом разговоре самого лейтенанта его ничуть не смущало. – Того самого, который вместе с сержантом Кардом занимается «этнополитической фильтрацией» прибывающих к вам агентов и беженцев.

На этих строчках мемуаров Дэвисон вдруг «самоцензурно» и «ревизионно» запнулся: в самом деле стоит ли оставлять их? Тем более что в действительности эта фраза имела не очень приемлемое в теперешние дни продолжение:

– ...Причем, напомним, занимается этой самой «фильтрацией» беженцев и перемещенных лиц, допрашивая их нередко с пристрастием в двух подвальных помещениях Нагорного крыла, специально оборудованных под камеру предварительного заключения и камеру пыток.

– Ваш управляющий помещьем, очевидно, дезинформировал вас, господин Бош: никаким переоборудованием подвальных помещений мои люди не занимались.

– Охотно верю, потому что этим, естественно, занимались люди мои. А вот чьи люди стоят за телами нескольких «самоубийц», найденных в одном из местных ущелий, это полиции еще только предстоит выяснить.

– О нет, господин Бош: ни до серьезного рукоприкладства, ни, тем более, до трупов «самоубийц» наши люди, как правило, не доходят. Не скрою, кое-кому из порывавшихся сюда странников мы предложили покинуть не только пределы «Горного приюта», но и пределы Швейцарии. Однако этим все и заканчивалось. Несмотря на то, что война все еще продолжается, мы стараемся вести себя цивилизованно, как и подобает вести себя, находясь в высшей степени цивилизованной стране.

Серб терпеть не мог каких-либо пауз в серьезном разговоре, поэтому направление беседы сменил мгновенно, переходя от неприкрытого шантажа к столь же откровенному деловому предложению:

– Но если все же в процессе «фильтрации» некоторых типов вам придется прибегнуть к более душеспасительным мерам избавления, а значит, понадобятся настоящие эшафотные профессионалы, – вы всегда можете обратиться к старому добряку Бошу.

– Темнить не стану: предложение своевременное. Но для его принятия нужно быть уверенным в человеке, который способен предоставлять подобные услуги.

Боша подобные оговорки не оскорбляли, и даже не настораживали.

– Как говорит в таких случаях один из моих знакомых, «Мы не придворные лакеи, чтобы расшаркиваться перед каждой портьерой. Если понадобится, мы любую дверь ногой вышибем». А чтобы вы не сомневались в этом, как и в моей партнерской преданности, – вот ключ от тайной двери, ведущей из подвала вашего крыла в подземелье, а оттуда – в тоннель, который приводит к Пастушьему гроту на той стороне горы. Да-да, туда, где на выкупленной Ангелом Бошем земле расположена его овечья ферма.

– Готовите запасной путь для отхода в горы? Оккупации Швейцарии вроде бы не предвидится.

– Все значительно проще: ваш радист может выдавать себя за одного из моих пастухов, а свою подпольную рацию прятать в тайнике подземелья. Хотя к зарубежным спецслужбам швейцарская полиция и контрразведка относятся с христианской терпимостью, тем не менее нормы приличия никто не отменял. Об оплате за столь деликатную услугу договоримся чуть позже.

Присутствовавшего при этом разговоре Дэвисона, как и самого Даллеса, так и подмывало артистически воскликнуть: «О каком радисте идет речь?! Откуда у нас подпольная рация?! Вы о чем это, господин Бош?! Мы всего лишь дипломаты». Однако у них обоих хватило благоразумия не устраивать ни конкретно этот, ни какие ты то ни было другие подобные спектакли.

– Когда возникнет такая необходимость, я вспомню о вашей любезности, господин Божич, он же Кровавый Серб, – впервые употребил Даллес и настоящую фамилию Боша, и его балканское прозвище, известное лишь очень узкому кругу друзей и недругов.

– Она возникнет, можете не сомневаться, – спокойно, с неизменной улыбкой доброго, щедрого дядюшки отреагировал Бош на это разоблачение. Но Даллес уже знал свойство натуры

Кровавого Серб: чем жестче и неотвратимее становились его намерения, тем мягче и умиротвореннее казалась его улыбка.

Всегда старательно выбритый, затянутый в корсетный жилет, который с трудом, но все же придавал его гороподобному телу хоть какие-то более или менее приемлемые очертания, этот «балканский Гаргантюа» всегда хранил улыбку добряка, как раз и навсегда сросшуюся с его лицом ритуальную маску. Теперь уже Даллес не сомневался, что приговаривал и казнил своих жертв Ангел Бош, он же Кровавый Серб, с этой же ангельской улыбкой старого добряка.

А ведь до этого разговора Даллес был уверен, что Бош представления не имеет о том, кто прижился в Нагорном крыле его пансионата. Как постепенно выяснялось, в мелких, «уличных», разборках Бош участия не принимал, он выдерживал уровень клиентуры; у его империи была своя разведка и контрразведка, о мощи которой можно было судить хотя бы по частной охране самого пансионата. К тому же все эти сведения об Ангеле Боше ни Аллен, ни кто-либо из осведомленных проверять не собирался. Все спасительно полагались на данные местной полиции, из досье которой «сербо-итальянец Ангел Бош из Триеста» представал безобидным, добропорядочным гражданином Швейцарии.

Если же кто-либо из полицейских или офицеров швейцарской контрразведки всерьез хотел усомниться в этом, то сразу же «разочаровывался в жизни и, находясь в стадии сильнейшего возбуждения», как писали потом в своих «заключениях» медики и в некрологах – коллеги безвременно ушедшего, кончал жизнь самоубийством. Причем, как это ни странно, всегда одним и тем же способом – бросался с моста, что на окраине пригородного поселка, на каменистый порог реки. Не зря же после третьего такого броска за мостом прочно закрепилось прозвище «Полицай-Голгофа».

* * *

Что же касается некоего испанского подданного, пытавшегося общаться с приветливым хозяином «приюта» на языке Сервантеса, облагороженном неискоренимым американским акцентом, то и его Бош тоже встретил весьма приветливо. Но, проговаривая свою вступительную коронную фразу теперь уже на изысканном испанском, этот альпийский полиглот буквально просверливал пришельца взглядом.

– Вы правильно сделали, что решили прийти к старому Ангелу Бошу из Триеста, дон Чигарро. Где еще в этой стране вы будете чувствовать себя столь уютно и защищенно, как в «Горном приюте», под отцовской опекой старого Боша?

– Вне всяких сомнений, – сдержанно отмахнулся от него новый постоялец. И тут же пожалел об этом.

– А главное, где еще вы провели бы столько времени в непринужденных беседах с моим лучшим другом мистером Даллесом.

– Разве я упоминал имя вашего друга? – вскинул брови дон Чигарро.

– Достаточно того, что я вежливо упомянул имя вашего подчиненного, мистер Доновэн, – великосветски склонил голову Бош, лично подавая новоявленному идальго ключ от одного из номеров нагорного крыла. – Не забывая при этом и его скромного референт-адъютанта господина Дэвисона.

– С вами приятно иметь дело, господин Ангел Бош из Триеста.

– Полезно иметь дело – так будет точнее. Причем с каждым днем пребывания в «Горном приюте» вы будете убеждать с этим всё сильнее и сильнее.

– Как и в том, очевидно, что с каждым днем мы будем всё более полезными друг другу, – вежливо склонил голову Доновэн, нисколько не сомневаясь, что их будущий союз освящен джентльменским соглашением.

Москва. Военно-воздушный атташат при посольстве США.

Апрель 1961 года.

Все еще накануне встречи британского разведчика с полковником ГРУ Пеньковским

...С изучением материалов папки-досье русского полковника Пеньковского атташе не спешил.

Даже после того, как Дэвисон завершил изложение тех сцен из мемуаров, которые связаны были с Алленом Даллесом и Уильямом Доновэном, полковник продолжал удивленно смотреть на него. Нет-нет, не потому, что восхищался его памятью, поскольку в данном случае восхищаться было нечем. Просто, забыв о швейцарских страстях Дэвисона, он все еще поражался наивности поступка Пеньковского, о котором только что прочел в его досье и который явно недостоин был столь опытного разведчика и дипломата.

– Как он вообще решился изложить все то, о чем вы здесь говорили, в письме, которое намеревался передавать сюда, в американское посольство? – наконец прорезался голос у Малкольма. Причем на фоне мемуарных швейцарских событий это обращение к «шпионскому ходатайству» русского полковника показалось помощнику атташе угрожающе неожиданным.

– Вот именно, в американское, столь плотно, как никакое другое, опекаемое сразу несколькими русскими и не только спецслужбами, – на «автомате» отреагировал он.

– Причем передавать через случайного знакомого, из рук которого оно в тот же день могло оказаться если не в ГРУ, то уж точно в куда более «доступной» для гражданского контингента конторе, именуемой КГБ?

– Вот почему в данном случае можно понять и реакцию второго секретаря посольства, и парней из Европейского бюро ЦРУ, – подкладывал поленья в костер подозрительности и недоверия Дэвисон.

– Нет, в самом деле: первое, что бросается в глаза после знакомства с этим посланием – самоубийственная наивность его автора. Именно... самоубийственная. Если бы на подобный риск решился кто-то из политических противников московского режима, из бывших политзаключенных или просто из круга деятелей, ненавидящих коммунистов, – это еще как-то можно было бы объяснить; ну, хотя бы отчаянием затравленного человека.

– На роль которого, – воспользовался мимолетной паузой помощник атташе, – полковник Пеньковский подходит менее всего.

– На роль которого ваш, Дэвисон, русский агент-полковник Пеньковский – сотни раз проверенный, получивший доступ к самой секретной технической документации, – вообще не годится. Ни в какой ипостаси.

– Что совершенно очевидно, сэр.

– Странно, что советские «чекисты» до сих пор не поняли, с какого рода сотрудником имеют дело. На них это, прямо скажем, не похоже, – неожиданно перешел на русский Малкольм. Усиленно изучая этот язык, полковник тем не менее крайне редко прибегал к нему даже в общении с русскими, предпочитая пользоваться услугами одного из штатных посольских переводчиков.

– Ну, теперь-то уж, когда Пеньковским британцы занялись вплотную, «чекистского прозрения» ждать придется недолго, – проворчал Дэвисон на английском, не решаясь испытывать шефа на знание языка стратегического противника.

– И все же... – возвращался атташе в своих размышлениях на исходные позиции. – На данном этапе вербовки обращение Пеньковского следует воспринимать то ли как попытку наглой провокации, то ли как проявление амбиций зарвавшегося чиновника, решившего, что ни в разведке, ни по линии делового прикрытия никакого служебного продвижения его уже не предвидится. Что в моих рассуждениях «не так», капитан?

– Они, как всегда, безупречны, сэр.

– Тогда чего вы тянете?

– Позвольте напомнить, сэр, что встреча состоится завтра.

– Предполагаете, – проигнорировал это уточнение Малкольм, – что вербовочная встреча британского бизнесмена-агента Винна с полковником ГРУ Пеньковским может состояться без вашего, скажем так, сочувственного присутствия?

– Даже трудно представить себе нечто подобное, сэр. Естественно, я должен побывать в отеле «Националь», нанося, как вы изволили выразиться, исключительно «сочувственный» визит.

– Не сомневаюсь, – напутствовал его атташе, – что в любом случае мы попытаемся вытряхнуть из британских коллег все, что способно представлять для ЦРУ хоть какой-то интерес. И все же дайте понять этому русскому полковнику, что в отношениях с американской разведкой тоже все не так уж безнадежно.

Выходя из кабинета атташе, Дэвисон улыбнулся и философски покачал головой. Ему всегда импонировала манера общения полковника. Особенно его способность поражать собеседника «глубиной» своих логических размышлений.

– Дайте ему прочувствовать, капитан, – бросил вслед своему помощнику Малкольм, – что единственной разведкой, которой по-настоящему стоит продавать свою информацию и продаваться самому, является американская – мощная, интеллектуальная, способная защитить таких «русских отщепенцев», как он, всей мощью сверхдержавы. Что в моих рассуждениях «не так», Дэвисон?

– Теперь они изысканно безупречны, сэр. Но ведь не станем же мы «перевербовывать» этого русского полковника у британцев.

– У своих коллег из Туманного Альбиона? Как вы могли предположить такое?! Никогда! В конце концов, это было бы не по-джентльменски.

– Но когда Пеньковский почувствует, что пора «рвать когти», он сразу же сообразит, что укрываться в Штатах куда надежнее. Так почему бы, решит он, к тому времени не обзавестись чином полковника американской армии, включительно с мундиром и удостоверением личности?

Услышав это, атташе замер с приоткрытым ртом. Наконец-то утренняя дрёма ушла, и капитан Дэвисон начал открываться по-настоящему.

– Уже отчетливо вижу, как «вражеский агент» Пеньковский входит в здание Главного разведуправления Генштаба Вооруженных сил СССР в мундире полковника военно-воздушных сил США. На зависть многим своим коллегам.

– Только почему военно-воздушных, к которым Пеньковский, если мне не изменяет память?..

– Да потому, что шить этот мундир, – прервал его интеллигентские стенания Малкольм, – нас заставят прямо здесь, в военно-воздушном атташате при посольстве США! Вы поняли меня, капитан? Прямо здесь.

– Доходчивое объяснение.

– Я даже догадываюсь, капитан, кому придется выступать в роли портного.

«Значит, полковник выступит против такой вербовочной приманки, – мысленно вздохнул Дэвисон. – А зря! Судя по психологическому портрету карьериста Пеньковского, она сработала бы идеально. Особенно с видами на генеральский чин. Впрочем, как бы атташе ни реагировал, а в беседе с русским полковником я эту тему затрону».

– Признаю, сэр, с мундиром – это уже был перебор, – повинился за собственную инициативу помощник атташе.

– А я бы этого не сказал. В ней что-то есть. Как и во всей этой идее с деликатной вербовкой.

Дэвисон растерянно покряхтел.

– Тогда будем разрабатывать, как одну из версий.

– И прекрасно, капитан. И разрабатывайте. Единственное, что никак не поддается моему осмыслению: почему эта идея с мундиром полковника в качестве основной приманки для британского агента пришла к вам еще до посещения русского ресторана?

– Простите, сэр?

– После «третьей стопки, не закусывая», всякий американец начинает мыслить раскованнее. Почти что по-русски.

– Вы ведь не ходите в русские рестораны, – с ехидцей обронил Дэвисон, уже взявшись за дверную ручку. – В последнее время предпочитаете в основном посольский бар.

– Да? А, как вы думаете, где меня пытались спаивать и нагло вербовать; вербовать – и снова спаивать, сотрудники КГБ уже на пятый день после моего появления в Москве?!

– Неожиданный поворот. Удивляюсь, почему легенда об этом вашем «хмельном противостоянии» с сотрудниками КГБ слуха моего до сих пор не достигала. И в каком же питейном заведении это происходило?

– Да все в том же ресторане отеля «Националь».

– Не думал, что это настолько «гибкое» место. К тому же странно, что сотрудники внутренней безопасности, эти выкорышки ЦРУ, решились поверить в вашу стойкость перед уловками коварных кагэбистов, – уже открыто позволил себе отвести душу капитан.

Мстить – так мстить, за все издерганные шефом нервы. И вообще сколько можно?.. Малкольму ведь ясно дали понять, что должность помощника атташе для капитана внешней разведки Дэвисона – всего лишь дипломатическое прикрытие. Так, может быть, пора напомнить, что весь этот военно-воздушный атташат нужен в Москве только в образе еще одной «официальной бреши проникновения в стан врага», как выразился в свое время генерал Доновэн. В другой стране и по другому поводу, естественно, тем не менее...

Но когда Дэвисон окончательно закусил удила, он попросту забыл, с кем имеет дело. Реакция полковника, как всегда была непредсказуемой. Уловив в словах подчиненного явный намек на возможное предательство, он вдруг дико, словно в казарме – после пошлого солдатского анекдота – заржал.

– А как им, наивным янки, было не поверить в «стойкость» истинно американского аса Малкольма, если они сами видели, что охрана буквально на руках вносила меня в посольство. Кагэбисты, эти сучьи дети, слишком перестарались с двумя последними стопками своей «огненной воды». Спасибо всё тому же второму секретарю посольства. Зная о моем «выходе в люди», а также нравы русских, он как раз вовремя прислал за мной двоих проверенных клерков.

– Ничего не скажешь, бурное вхождение в должность, сэр, – только и мог обронить Дэвисон, выслушав эту исповедь.

– Зато с тех пор я закалялся ходить в «Националь», капитан. Теперь ваша очередь. И помните все мои мудрые наставления.

– Только ими и руководствуюсь, сэр! – заверил помощник атташе, стараясь как можно скорее закрыть за собой дверь. Не доведи господь, этот вовремя не сбитый истинно американский ас решится снова напоминать ему свои бессмертные, почти библейские наставления!

За те полгода, которые ему выпало работать под крылом у Малкольма, он так и не сумел привыкнуть к его расхристанной, сугубо армейской пока еще манере общения. Шеф-полковник этот стал единственным человеком, при общении с которым Дэвисону, считавшему себя незаурядным психологом-аналитиком, не удавалось ни спрогнозировать его реакцию, ни предугадать словесный ход, и вообще – привыкнуть к его дичайшей манере ведения диалога.

* * *

Специализироваться по восточно-российскому военно-политическому направлению Дэвисон начал еще в военном «разведывательно-диверсионном» колледже. Случилось так, что в Сан-Франциско их семья долгое время жила в районе, наполовину заселенном эмигрантами, бежавшими из России во время тамошней Гражданской войны. Первые школьные друзья и первые девушки Чарльза тоже происходили из их среды.

А тут еще отец, военный летчик, узнав о языковом пристрастии сына, рубанул: «Послушайся совета старого пилота: русский – единственный язык, который по-настоящему стоит изучать. Для таких небесных странников, как мы с тобой, русский язык – это язык врага, а знание врага – хлеб всякого пилота. Причем на всю жизнь».

Как вскоре выяснилось, «старый пилот» оказался прав. Вся карьера «дипломатического разведчика» под прикрытием так или иначе связана была исключительно со знанием русского. В том числе и должность референт-адъютанта Даллеса, в которой ему пришлось дожидаться завершения войны. Да и прежде чем получить назначение в Европейское бюро ЦРУ Чарльз Дэвисон несколько лет вел контрразведывательную работу в лагерях советских военнопленных, а также в лагерях для перемещенных лиц и среди послевоенной эмиграционной волны, состоявшей в основном из бывших «власовцев».

Конечно же работать с ними оказалось куда труднее и менее приятно, нежели с элитой дворянского «офицерства» царской и белой армий. Зато пришло углубленное познание пролетарской психологии бывших красных командиров, большинство из которых так до конца и не поняли, что собой представляло это самое «власовское движение», в кровавой круговерти которого они оказались только ради спасения от лагерного ада.

Почему он вспомнил сейчас об этом своем опыте наставника диверсантов? Да потому что с первого часа знакомства с делом Пеньковского, он вдруг начал воспринимать его в образе еще одного «власовца», только затерявшегося во времени, слегка запоздавшего к «висельничной обедне» самого генерала Власова.

Если уж ударяться в воспоминания о курсантах-власовцах военной поры, то и теперь, по прошествии нескольких лет, он по-прежнему остается при своем мнении. Будь его, Дэвисона, воля, он и десяти центов не поставил бы ни на одного из них, как на агента, а тем более – диверсанта, засылаемого во фронтовой тыл русских или в послевоенную Россию.

Лишенные в отличие от царских и белогвардейских дворян-офицеров какого-либо представления о «слове чести», «слове офицера» или клятве на Библии; деморализованные, лживые, погибельно поддающиеся ностальгии и заупокойно, «под слезу и балалайку», спивающиеся, они в самом деле никогда не представляли для Чарльза никакой агентурно-кадровой ценности. Даже те, которые уже успели пройти подготовку в германских лагерях абвера и Главного управления имперской безопасности.

Жаль только, что любые доклады по этому поводу завершались подозрением руководства в том, что Дэвисон попросту не умеет или не желает работать с данным контингентом курсантов. А в качестве аргументов, как правило, приводили примеры успешного действия русской агентуры. Не желая замечать при этом, что и в них речь, как правило, шла о действии бывших царско-белогвардейских чинов, которые каким-то образом уцелели в годы кровавых сталинских чисток Красной армии или же, скрыв свое происхождение и былую службу, оказались в рядах наспех мобилизованного фронтового воинства.

Причем самое странное, что никакие доказательства «расстрельного исхода» их возвращения на родину не могли убедить бывших пролетарски стойких красноармейцев отказаться от тайного стремления «уйти в Россию»; в самом деле, при малейшей возможности – «уйти». Ни рассказы перебежчиков, ни даже сообщения о казнях «предателей родины», регулярно появ-

лявшиеся в те годы и в центральной советской, и в зарубежной прессе, не способны были переубедить, или хотя бы предостеречь этих навеки-вечные зомбированных советской пропагандой курсантов разведывательно-диверсионных школ.

Сдаваясь сотрудникам Смерша сразу же после десантирования на территорию Совдепии, многие из них наивно, самоубийственно верили в то, что их, всё и всех выдавших и раскаявшихся, партия и родина обязательно простят. Пусть даже в виде самого немыслимого исключения.

Вот и хотелось бы знать, достаточно ли Пеньковский знаком с историей власовского движения, с судьбой самого «генерала-предателя»? С его армейским восхождением – вплоть до ипостаси «образцового пролетарского командира, любимца самого вождя народов» в лихое довоенное время; с его участием в битвах под Рава-Русской, Киевом и Москвой, а главное, с историей сдачи в плен после гибели его 2-й ударной армии на Волховском фронте? Интересно было бы пообщаться с ним на эту тему, прежде чем вербовать. Понимает ли полковник, что, прежде чем оказался в «спасительной» эшафотной петле, ему придется пройти через все те ужасы подвальных камер, допросов и пыток, через которые прошел Власов?

...Да, некоторым сотрудникам американской разведки хотелось воспринимать этих русских агентов в виде эдаких спартанских «бессмертных», направлявшихся под свои Фермопилы. Некоторым, но только не Чарльзу Дэвисону, который само сравнение этого «пролетарского быдла» с «бессмертными» спартанцами, считал исторически оскорбительным. Да и те, кто пытался видеть в своих курсантах «спартанцев», навеивали себе это сравнение только ради оправдания затраченных усилий.

Как бы вступая в спор с ними, Дэвисон действительно подготовил одного из таких «бессмертных», Дмитрия Штокова, который был заброшен в Совдепию под оперативным псевдонимом Гладиатор. Сын, по легенде, погибшего в Первую мировую царского офицера и некоей согрешившей дворянки, он несколько лет беспризорно бродяжничал, прошел через детский дом и колонию для малолетних, из которой дважды убежал.

Рослый, плечистый, он в течение трех лет был подмастерьем-молотобойцем заводского кузнеца и одновременно учился в вечерней школе рабочей молодежи. В ремесленном училище он успел освоить профессии автослесаря и шофера, но за несколько дней до окончания в жесточайшей драке покалечил в здании общежития каких-то двух залетных. До суда дело не дошло только потому, что и в милиции, и в военкомате решили: томить такую буйную душу в лагере для уголовников грешно. И в армию «забрили» только для того, чтобы сразу же после курсов молодого бойца определить в школу полковой разведки, а затем – на какие-то ускоренные Высшие курсы армейской разведки.

В плен он тоже попал по дикой случайности: разведгруппу сдал приютивший её в своем доме предатель. Однако от расстрела его спас полковник, представитель штаба Русской освободительной армии (РОА), убедивший германское командование, что из этого «материала» можно сделать неплохого диверсанта. Само собой, предварительно связав его кровью во время публичной казни партизан.

Правда, в германской разведшколе Штоков сразу же заявил, что никакой шпион из него не получится. Через фронт он уйдет на месяц вольным «стрелком-диверсантом», о действиях которого в прифронтовой зоне германское командование сможет узнавать из донесений своих агентов и фронтовых сводок русских.

Рейд оказался настолько успешным, что когда, во время германского контрнаступления, Дмитрий Штоков присоединился к «своим», германская военная разведка смогла подтвердить акты всех указанных им диверсий. Он был награжден Железным крестом и произведен в лейтенанты РОА. Но война завершалась, и самое время было подумать о своей дальнейшей доле, которая, судя по всему, не предвещала ему ничего хорошего, но...

По иронии судьбы в лагере для военнопленных, устроенном в зоне союзников, американской разведке Штокова «сдал» тот самый власовский полковник, который в свое время спас его от расстрела в немецком плену. А потом уже сам Дэвисон настоял, чтобы курсанта Штокова готовили для действий на территории Совдепии в качестве диверсанта-одиночки, то есть все того же «вольного стрелка».

По последним сведениям трехгодичной давности, Гладиатор все еще продолжал действовать, и в одиночку, и во главе кочующей группы, сколоченной из дезертиров, бывших штрафников и просто беглых лагерников. В разное время несколько агентов выходили на связь с ним через секретные «почтовые ящики», однако поддерживать постоянные контакты с американской агентурой он отказывался, зная, что она уже наполовину перевербована и что это – путь к неминуемому провалу. Как бы там ни было, но в последнем своем донесении он сообщил, что благодаря подставным «почтальонам» из младовозрастной шпаны удалось установить: два агентурных почтовых ящика уже находятся под контролем КГБ, однако сам он – «всё еще на гладиаторской арене».

Дэвисон понимал, что Пеньковский – агент совершенно иного, сугубо «информационно-продажного» плана, тем не менее подсознательно сравнивал его с «вольным стрелком» Гладиатором. И всякий раз ловил себя на том, что для подобных сравнений полковник явно мелковат.

Что же касается Штокова, то долгое время Дэвисон не решался идти по его следу, дабы не «засветиться», однако теперь твердо решил: сразу же после контактов с Пеньковским он попытается активизировать поиски своего ученика. Хотя и понимал, что сделать это будет непросто. Он всерьез подумывал над тем, чтобы сразу же после завершения мемуаров взяться за роман, прототипом главного героя которого мог бы стать этот русский агент.

* * *

Прежде чем спуститься к машине, которая должна была увезти его к отелю «Националь», капитан еще раз бегло просмотрел выписку-шпаргалку из досье на полковника ГРУ Олега Пеньковского. Высокопоставленный, «неоднократно отмеченный высокими правительственными наградами», обеспеченный, по всем графам кагэбистских анкет «выездной», пребывающий на иерархической вершине военно-технической элиты этой страны... Казалось бы, о чем еще мечтать человеку его профессии? Однако же остается непонятным: почему он так торопится в камеру смертников на Лубянке?

«Нет, в самом деле, хотелось бы знать, на что он рассчитывает? – пытался капитан все же докопаться до сути «феномена Пеньковского. – На крупные суммы гонорара за переданную информацию? Смешно! Возможно, несколько тысяч долларов или фунтов стерлингов в самом деле покажутся этому русскому офицеру «большими деньгами». Но как только он окажется на Западе, где жизнь значительно дороже, чем в Союзе, сразу же поймет, что ошибался. Причем жестоко.

Ни на какую высокую должность он тоже рассчитывать не сможет. Исключено. Если только ему вообще позволят бежать из Совдепии. И потом, где та страна, в которой он сумеет спрятаться от наемных убийц-мстителей из ГРУ и КГБ?

«А что в моих рассуждениях «не так», господин Пеньковский?» – в ту же минуту спародировал военно-воздушного атташе Малкольма.

Москва. Ресторан отеля «Националь».

Апрель 1961 года

Само собой, в Лондоне ход этот, – с вербовкой русского армейского чиновника от разведки, причем такого ранга и при такой уникальной должности, – многим показался авантюрно

рисковым. Однако в данной ситуации Гревилл повел себя, как заядлый игрок, знающий цену любому риску.

И потом, какой еще агентурный вербовщик любой другой разведки мира мог похвастаться подступами к столь информированной персоне, каковой является сейчас полковник Пеньковский? Причем информированность его базируется не на закулисной болтовне и околокремлевских сплетнях, а на вполне конкретных научных разработках, в том числе и в области ракетно-космической техники; на доступе к самой секретной, государственной важности документации.

...Ага, вот и сотрудник американского посольства Дэвисон! Собственной персоной. Потомственный англосакс. Безукоризненный серый костюм-тройка на фигуре с армейской выправкой; широкий, в красно-голубых тонах выдержанный галстук...

Ничего не скажешь, этот пижонистый янки любил, а главное, способен был преобразиться в настоящего лондонского денди. Лично познакомиться с Дэвисоном английскому разведчику еще только предстояло. Пока же британец узнал его по одной из тех фотографий сотрудников союзнических разведок в Москве, которые были предоставлены ему в агентурном архиве Интеллидженс сервис.

Если ему не изменяет память, официально Дэвисон числился помощником военно-воздушного атташе посольства США. Впрочем, числиться этот профессиональный разведчик мог кем угодно, вплоть до смотрителя посольских туалетов, главное, кем он являлся на самом деле. Достаточно того, что даже архивисты Интеллидженс сервис, не тушуясь, называют Дэвисона «ходячей энциклопедией американского разведцентра в Европе времен Второй мировой войны». Что уже само по себе обязывает.

Однако столь глубоко зарываться в «досье» этого янки Гревилл не собирался. Уж кого-кого, а вербовать Дэвисона ему вряд ли когда-нибудь придется. Другое дело, что само появление здесь помощника американского атташе свидетельствовало: судя по всему, янки тоже засуетились, причем всерьез. Хотя казалось бы...

Ведь ни для кого же в руководстве британской разведки не было секретом, что поначалу русский полковник искал связи именно с американцами, как с наиболее заинтересованными и состоятельными «покупателями» ракетных секретов своего стратегического противника. «Покупателями», правда, пока еще потенциальными, тем не менее вопросы к американским спецслужбам возникают. Почему не сумели правильно оценить ситуацию? Почему сразу же не пошли на контакт с полковником? Кто мешал?!

Ах, решили не рисковать, а сначала пустить на минное поле вербовки этого русского «отщепенца» союзников-британцев, чтобы потом уже устраивать пир стервятников на их телах? Тогда самое время собирать всё те же, печально известные «библейские камни».

Причем самое обидное, что при всем при том Интеллидженс сервис просто вынуждена будет делиться с ними информацией. Договор о сотрудничестве, видите ли, обязывает.

Стоп, а вот наконец и кремлевский жертвенный агнец – полковник Пеньковский собственной персоной.

– Здравствуйте, господин Винн. Рад нашей встрече. – ...И вновь эта обескураживавшая собеседника, широкая, как сама «русская душа», улыбка! Какими такими укорами способен был осадить ее владельца он, Гревилл Винн, побочный продукт неизгладимого британского воспитания?

– Мне тоже хотелось бы порадоваться, полковник, если бы не... – демонстративно постукал англичанин пальцем по наручным часам, – некоторые издержки.

– Кажется, я немного опоздал, осознаю. Но что поделаешь: дела, знаете ли, дела...

– Вот и попытаемся компенсировать упущенное время исключительной деловитостью переговоров, – снисходительно ухмыльнулся про себя британец: «видит Бог, русские неисправимы!», вяло отвечая при этом на предложенное Пеньковским рукопожатие.

– Иначе и быть не может: компенсируем.

С той поры, когда, в декабре прошлого года, они с Пеньковским виделись впервые, тот ничуть не изменился: серое, почти не запоминающееся лицо, угрожающе большие для сорокадвухлетнего джентльмена залысины; глубокопосаженные серые, окаймленные темно-коричневыми мешками глаза и столь же серый, непрезентабельный, однако же всеми клерками мира обожаемый костюм...

Ошибаются конспирологи, утверждая, что близится эпоха власти над миром неких «людей в черном», якобы врывающихся к нам то ли из «летающих тарелок», то ли вообще из другого измерения. На самом же деле, их давно опередили «люди в сером», численность которых становится все более угрожающей.

– Думаю, нет смысла и дальше расшаркиваться друг перед другом, как придворные фрейлины на королевском балу, – вполголоса молвил британец, когда официант принял у них заказ. – Если я правильно воспринимаю реальность, вы явно хотите мне кое-что поведать? Или... сразу же предложить?

– Можете не сомневаться: мне есть о чем поведать, – с многозначительной задумчивостью прогулялся полковник взглядом по их столику, стоявшему как бы в отдалении от остальных, в отгороженной тяжелыми бордовыми портьерами излучине зала; а также – по стенам, колоннам и потолку... – Да и предложить – тоже. Но вы уверены? – вновь провел он вопросительным взглядом по стенам их закутка.

– Поскольку мы намерены вести здесь деловые встречи и переговоры, нашему специалисту позволили пройти по залу и по нашим отельным номерам с новейшей аппаратурой «антипрослушки». А здесь, в этом «будуаре», – еще и с особой тщательностью.

– И что, неужели ничего «неподобающего»?

– На удивление, чисто. Причем официально курирующий нас представитель спецслужб объяснил, что ваша сторона тоже озабочена информационной безопасностью предстоящих встреч и переговоров с британцами, подробности которых ни в коей мере не должны стать достоянием третьих сторон или же просто любопытствующих представителей каких-либо исследовательских фирм и производственных компаний.

– Признаю, что подключать еще и своих людей к этой проверке – ни возможностей, ни времени у меня не было.

Если британец и кивнул, то исключительно из вежливости. Он был убежден, что никаких «надежных людей» из этого круга специалистов у полковника нет. А привлекать служивых из «конторы» он попросту не решился бы: не та ситуация.

– Итак, я слушаю вас, полковник. Что вы способны предложить нам? И почему вдруг?..

– «Почему вдруг» – предполагает целую исповедь. Так что стоит ли прибегать к ней? Тем более, когда речь идет о профессиональном разведчике?

– Пожалуй, вы правы.

– К тому же вас наверняка ознакомили с моим письмом.

– Которое внесло невероятную сумятицу в умы некоторых моих британских коллег. Слишком уж неправдоподобным показался способ вашего заигрывания с иностранной разведкой. Не исключено, что когда-нибудь этот случай станет хрестоматийным в системе подготовки дипломатов от разведки.

– Уверен, что в дальнейших наших отношениях тоже возникнет немало хрестоматийного. Так что с письмом?

– Оригинал не видел, но с содержимым, пусть даже в общих чертах...

– Из этого и будем исходить, – явно пытался перенять инициативу Пеньковский. – Мое положение в научно-оборонных структурах вам хорошо известно. О степени доступа к источникам информации «из первых рук» говорит само дурацкое название моей должности.

– В этом вы тоже правы: дурацкое, – вежливо улыбнулся Британец. – Я успел убедиться при попытке запомнить его. Тем не менее хотелось бы уже лично от вас услышать, каковы особенности и возможности этой, относительно новой для вашего послужного списка должности; а также о перспективах сотрудничества; и вообще поговорить о том, чем мы можем быть интересны друг другу.

– Уверен, что можем.

– В качестве «форы абсолютного доверия» могу сообщить: нам известно о ваших робких, скажем так, и не весьма удачных попытках установить контакт с коллегами, представляющими спецслужбу одной из великих держав.

– Если точнее – американцев.

– Уверен, что эти коллеги уже осознали свою ошибку и тоже вскоре попытаются выйти на связь с вами.

– Ничего у них не получится. Буду настаивать, чтобы вопросы сотрудничества они улаживали с вами, британцами.

– Признаю, очень взвешенное, корректное решение. Со своей стороны, наша служба тоже постарается вести дела сдержанно, деликатно, проявляя максимум осторожности и благоразумия.

– Именно это я и хотел услышать. Ничто так не упростит процесс нашего сближения, как общие гарантии.

* * *

Значительно позже, во время заседания Военной коллегии Верховного суда СССР, прокурор попросил подсудимого Олега Пеньковского поведать, когда же все-таки он понял, что Гревиллу Винну можно «настолько» доверять, а также когда и где именно происходил первичный этап вербовки его представителями британской разведки.

И полковник, тоже вполне доверительно, сообщил высокому суду, что знакомство с Винном состоялось в декабре 1960 года, во время пребывания британского разведчика в Москве в составе представительной делегации специалистов по новейшим, в том числе и военным, технологиям.

Уже тогда бизнесмен Винн показался «человеку в сером» вполне подходящей кандидатурой посредника, с помощью которого он может запросто выйти на связь с руководством Интеллидженс сервис. И последующая встреча, состоявшаяся в Москве уже в первых числах апреля 1961 года, лишь укрепила уверенность полковника, что в выборе связного он не ошибся.

Ну а начались их переговоры в приятной обстановке отдельного ресторана «Националь» (не следует забывать, что к весне 1961 года технические возможности дистанционной «прослушки» спецотделов КГБ были еще на относительно примитивном уровне); и продолжались уже в более теплой, почти домашней, атмосфере, то есть в номере Гревилла Винна.

Естественно, прокурор не мог не поинтересоваться, о чем же они беседовали во время этих встреч. И подсудимый объяснил, что для начала он во всех подробностях рассказал о себе, а также о привлекательных для их сотрудничества сторонах своей уникальной должности. При этом Пеньковский прямо объявил Винну, что готов сотрудничать с британской разведкой; мало того, он просил передать руководству Сикрет интеллидженс сервис письмо, которым подтверждал желание стать агентом их разведки, сообщал основные сведения о себе и предоставлял данные для дальнейших контактов.

...Однако все это происходило значительно позже; так что до суда и до смертной казни Пеньковскому еще только предстояло дожить. А пока что события разворачивались неспешно, с некоей барской вальяжностью и конечно же необратимо.

Москва. Ресторан отеля «Националь».

Апрель 1961 года

Официант выставил на стол графинчик с русской водкой и мясные салаты, порции которых поражали своими размерами так же, как и размеры тарелок, на которых они были выложены, и, повинувшись едва уловимому движению руки Винна, поспешно удалился.

– Не скрою, – сам взялся за графин британец, – ваша пугающая настойчивость заставила американских коллег не только самим насторожиться – слишком уж неожиданная фигура начала проявлять свою активность на разведывательной игровой доске, но и предупредить соответствующие службы союзников. Прямо скажу, ваше имя давно занесено в черный список дипломатов-шпионов, работающих и за рубежом, и в своей стране под прикрытием и специализирующихся на провокациях.

– В черный список британской разведки?

– Насколько мне известно, подобным образом были уведомлены разведки всех стран-участниц НАТО. И даже некоторых союзников этой «богоизбранной» организации.

– Не знал я, что приобрел такую популярность.

– Для разведчика подобная «известность» столь же пагубна, как и неожиданный успех юного дарования, проснувшегося однажды утром узнаваемой знаменитостью. Хотите сказать, что лично вам она до сих пор не помешала?

– Лучшим доказательством этого служит мое присутствие здесь сейчас, а главное, в том же престижном статусе, в каком я пребывал во время нашей предыдущей встречи.

– В общем-то да, выглядит убедительно, хотя... Не следует забывать, чего в нашем рискованном деле стоят доказательства очевидной безопасности.

Они опустошили рюмки, причем Винн сделал это с явным отвращением: он терпеть не мог «сие русское пойло, водкой именуемое», а Пеньковский – с таким благоговейным видом, словно наслаждался букетом самого изысканного коньяка. И, лишь слегка закусив, полковник неспешно ответил:

– Скажу больше: в некоторых аспектах предвзятость авторов этих «черных списков», как и само их появление, лишь облегчает мне продвижение к цели.

– К какой именно цели?

– Вам нужна четкая формулировка? – удивился Пеньковский. – Вы же знаете, что любая трактовка цели неминуемо разрушает ее святость.

– И все же для меня важно знать её, чтобы отчетливее представлять себе, с кем имею дело.

На несколько мгновений взгляд полковника потерял свою остроту и с каким-то странным безразличием растворился где-то в подпотолочном пространстве.

– Об этом мы поговорим позже. Когда-нибудь... Со временем... Возможно, уже на британских берегах. Для вас должно быть важным только то, что движение к этой цели никоим образом не отразится на наших с вами отношениях – ни личных, ни профессиональных.

– Не отразится в худшую сторону, вы хотели сказать. Впрочем, я и так догадываюсь, в чем суть ваших замыслов.

– Что неудивительно, поскольку мы – люди одного способа мышления.

«Одного? Вряд ли!» – мысленно парировал чистокровный англосакс. Однако вслух произнес:

– Не подлежит сомнению только одно: наше знакомство, а значит, и наша совместная работа откроют перед вами совершенно иные возможности, нежели та партийно-государственная система, в которой вы пока что обитаете.

– Естественно, откроют, но...

И тут уже, не позволяя Пеньковскому застревать в паутине схоластики, британец прямо спросил:

– Вы конечно же отдаете себе отчет в том, что сотрудничество с нами связано с определенным риском?

– С «определенным»? Плохо же вы знаете советские законы.

– Чтобы убедиться в суровости «шпионских» статей страны пребывания, необязательно слыть доктором юриспруденции.

– Насколько я понимаю, зарубежным дипломатам с их иммунитетом эти статьи вообще не интересны.

– То есть химеры быстрого провала, тюремных камер, пыток и в конечном итоге смертной казни вас не пугают?

– Почему же не пугают? Это – как нож гильотины над головой. Однако позвольте напомнить, господин Винн, что в отличие от вас я – профессионал.

– Признаю ваше явное превосходство на этом поприще, полковник, на котором я предстаю всего лишь жалким любителем. Однако согласитесь: у каждого своя миссия.

– Как только я почувствую близость провала, тут же постараюсь уйти за рубеж. Легально. Под любым предлогом и любым доступным способом. В любую страну.

– А вот и «туз в рукаве», на который вы так азартно, напропалую уповаете. Даже мысли не допуская о том, что легально уйти не удастся.

– Если начнем сотрудничать всерьез, буду готовить и нелегальный канал перехода. При чем хотелось бы – с вашей помощью.

Заверять его в поддержке Британец не стал, зато предложил Пеньковскому не обращать внимания на его сугубо ритуальное восприятие им бокалов со спиртными напитками, а спокойно отдавать дань русским застольным традициям. Чем тот сразу же и воспользовался.

Они уже доедали салаты, когда после очередной рюмки Гревилл наконец объявил, что с «ритуальным чаепитием по-русски» покончено, и предложил Пеньковскому во всех подробностях рассказать о своих служебных обязанностях, а значит, и возможностях.

– Как вы понимаете, полковник, в беседе со своими кураторами я должен оставаться убедительным, – объяснил он. – Не забывайте, что это я открыл вас для внешней разведки Британии. И что именно мне поручили разрабатывать вас – и здесь, в Москве, и в Лондоне... Считайте, что в моем лице вы получили импресарио международного класса, маэстро от разведки.

– То есть все складывается, как я и предполагал.

– Отрадно слышать это, полковник Пеньковский. Так блесните же всем богатством своего красноречия!

И был слегка обескуражен тем, что русский вдруг заговорил на сносом английском языке, лишь иногда, для точности, дублируя некоторые названия и термины на русском. Чтобы потом, прослушивая запись, сделанную на миниатюрном магнитофоне, Гревилл мог сопоставлять эти термины, сверяя точность перевода.

* * *

Винн, естественно, догадывался, что Пеньковский неплохо владеет «языком Шекспира», но и во время первой их встречи, и сейчас он почему-то сразу же, после нескольких «вступительных» фраз на английском, переходил на русский.

– Прежде всего вас интересует организация, одним из служащих которой являюсь?

– Увы, моих нетерпеливых шефов интересует информация несколько иного порядка. Тем не менее освежите наши представления.

– Если выражаться общими терминами, – поведал Пеньковский, уже чувствуя себя так, словно пребывал на допросе в Секрет интеллидженс сервис, – то официально наш, как его следует именовать, Иностранный отдел Управления внешних сношений Госкомитета при Совмине СССР по координации научно-исследовательских работ...

– Только русские способны придумывать для отделов своих учреждений столь безумные названия, – все-таки не удержался британец, чтобы не проворчать.

– ... Так вот, этот отдел обязан заниматься организацией обменов делегациями ведущих ученых военно-промышленного комплекса, проводить научные конференции, налаживать сотрудничество между родственными институтами и прочими учреждениями разных стран во имя научного прогресса.

– Такова официальная версия работы вашего отдела. А неофициальная?

– Мы обязаны вербовать агентуру из числа перспективных, амбициозных зарубежных ученых и чиновников, причем прежде всего – из сферы военной промышленности.

Винн победно ухмыльнулся. Сейчас он и в самом деле чувствовал себя следователем, которому удалось разговорить опытного вражеского агента.

– Это общее положение. А если прибегнуть к некоторой конкретизации?

– ...Определять направления поисков своих зарубежных коллег, налаживать деловые контакты с целью обмена информацией, а то и реализации общих научных проектов. Особенно когда речь идет о сотрудничестве с учеными из социалистического лагеря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.